

У меня будет сын!..

В этой мысли я окончательно утвердилась в понедельник, 5 апреля 2004 года. Этот день стал одной из тех рубежных дат в моей жизни, которые имели определяющее значение для меня и моей судьбы. Именно в этот день, после прохождения курса психологической подготовки в Национальном центре усыновления, я пришла выбирать кандидатуру моего будущего ребенка. Что и говорить, момент был более чем волнующий.

До этого, надо сказать, моя идея усыновить дитя имела довольно расплывчатые, идеальные очертания – я просто намеревалась усыновить ребенка и хотела, чтобы это был мальчик. Я не была даже уверена относительно его возраста, хотя, конечно, предполагала, что он не может быть слишком маленьким, учитывая мои годы (за 40) или, наоборот, очень взрослым, характер которого уже сложился, и впоследствии его трудно было бы уже как-то изменить. Я не планировала также и его внешние данные, хотя конечно, мне хотелось, чтобы он каким-то образом мне подошел, что называется, «запал» бы в душу и сердце. Мне хотелось не просто «взять» ребенка, но, вложив в него весь мой жизненный заряд, вырастить так, как я этого хочу, и как бы я это сделала, если бы у меня родился свой собственный сын.

Конечно, я трезво оценивала обстановку и понимала, что идеального варианта не будет, тем более, что курс психологии внес много реальных корректив в мои весьма на тот момент смутные и неопределенные представления о том, каковы критерии выбора ребенка для усыновления. Благодаря нашим занятиям и тем практическим темам, которые мы на них обсуждали, многое из того, с чем я столкнулась впоследствии, не вызвало во мне такого непонимания и даже оттолкновения, как могло бы, и избавило от лишних волнений и хлопот, которых и без того было более чем достаточно. Мне и сейчас, по прошествии более чем трех лет с тех пор, как мой сын стал полноправным членом нашей семьи, постоянно нужна помощь опытного психолога, и именно специалиста по работе с депривированными детьми. Самой мне порой трудно определить, где в той или иной ситуации пролегает грань между общими проблемами, которые возникают в воспитании детей, и теми специфическими нюансами, которых не поймет никто, кроме тех, кто имел дело с детьми, проведшими детство в детском доме. Порой мои знакомые и друзья, которые знают мою историю (которую я, кстати, не скрывала абсолютно ни от кого), говорят, что я зря переживаю, потому что мой ребенок выглядит ничуть

не хуже, чем многие «домашние» дети. Это меня радует, но вместе с тем я понимаю, что ряд наших проблем имеет весьма специфический характер, и чтобы в этом разобраться, нужна помощь опытного консультанта. Мне, как и любой нормальной матери, не хотелось бы ничего упустить в процессе выращивания моего дитя, и вполне возможно, что я где-то, что называется, и «перебедеваю», но еще больше мне хочется минимизировать последствия тех трех лет, что мой сын провел без мамы. Но обо всем этом и о многом другом – дальше.

...И вот настал ответственный и крайне волнующий момент выбора, который, как мне кажется, может быть, вполне сравним с тем мигом, когда женщина производит на свет свое собственное дитя и тщательно вглядывается в черты нового, пока еще незнакомого, но уже до боли родного ей человечка. Вообще, как я потом поняла, процесс усыновления по продолжительности, и, главное, по количеству и качеству переживаний и волнений во многом может быть сравним с беременностью и родами. Такие же сомнения, страхи, проблески радости, чередования периодов спокойствия и удовлетворения с моментами сомнений и тревоги: как все пройдет, какой будет ОН?..

Моей решающей апрельской дате предшествовала целая череда событий, обстоятельств, решений, переживаний – сложный клубок, в который сплелась моя жизнь и который мне расплести до конца моих дней.

* * *

Жизнь каждого человека, как известно, имеет свою индивидуальную траекторию. Жизнь женщины, несмотря на то, что она, казалось бы, изначально предопределена выполнением женских функций – созданием и поддержанием семьи, рождением и воспитанием детей, также может складываться очень по-разному. К счастью, в наши дни, в отличие, например, от периода двадцатитридцатилетней давности, уже не существует жестких установок относительно того, как *обязательно* должна складываться женская судьба. Современная женщина, если она, конечно, к этому готова, может во многом планировать свою жизнь по собственному усмотрению, в соответствии со своими внутренними потребностями, желаниями, амбициями, характером, чувством собственного достоинства. Правда, наше общество по-прежнему остается в плену многих стереотипов и установок относительно женской доли; некоторые

из них, кстати, создаются и культивируются преимущественно мужчинами, но охотно поддерживаются также многими женщинами, которые считают, что смысл жизни может состояться исключительно в служении мужчине и семье. В этой позиции, как мне кажется, много от традиционных взглядов, которых по-прежнему придерживается наше общество, и есть в ней как положительные, так и негативные моменты.

Традиции – традициями, а жизнь наших женщин все равно складывается очень по-разному, порой счастливо, но нередко и очень драматично. К тому же, как мне кажется, наши судьбы во многом действительно «написаны» где-то свыше и не в наших силах разгадать эти тайны и, тем более, противодействовать реализации плана, заданного каждому судьбой. Каждый должен в жизни пройти свой путь, и каждый должен неминуемо отчитаться в конце его перед самим собой и перед Богом. Не уверена, что каждый человек задумывается об этом, а ведь время отчета рано или поздно, но неумолимо приходит абсолютно к каждому.

Я живу сейчас со спокойной совестью, поскольку честно попыталась сделать все, и более того, чтобы стать счастливой, обзавестись семьей, жить так, как мне всегда хотелось. Но судьбе наверняка было виднее, и она вела меня по жизни какими-то своими неисповедимыми путями.

Не знаю, как чувствуют себя одинокие мужчины, но для каждой женщины, выбивающейся по тем или иным причинам из общепринятого жизненного плана, вопрос о том, почему она в жизни не нашла пару, всегда является очень болезненным, как бы ни старалась она сделать внешне благополучный вид на этот счет. Я не верю в женскую карьеру ценой семьи, без ущерба для самого женского естества, тем более в нашем обществе, в котором женская карьера как таковая никоим образом не может состояться полноценно. К сожалению, пока оно принадлежит исключительно мужчинам. Женщина не имеет права выбора или окончательного решения, поэтому в случае, если жизнь ее сложилась как-то «не так», она не всегда может винить только себя. Многие могут мне возразить, и я с удовольствием порассуждала бы на эти темы в соответствующей компании, поскольку проблема эта во все века была и до сих пор остается крайне актуальной как для женщин, так и, я надеюсь, для мужской части нашего общества.

Короче говоря, я никогда не выходила замуж, хотя возможности такие у меня были. Почему? Этот вопрос долгое время с настойчивой болезненностью

задавала себе я сама, и постоянно слышала его от окружающих. Я – молодая, не самая уродливая, умная, преуспевающая, с разносторонними взглядами и жизненными интересами (здесь уже, кажется, пошел стандартный текст брачного объявления, которых я в свое время написала несчетное количество на разных языках мира), и почему же я одна?

Сейчас ответ на этот вопрос для меня абсолютно очевиден – я никогда не хотела выйти замуж любой ценой. Как и многие, кстати, женщины, и их в наши дни становится все больше и больше. Мужчины, за которых я пошла бы замуж, почему-то не делали мне предложения или были уже женаты, а у меня, с моим преувеличенным, по общепринятым меркам, чувством самой себя и собственного достоинства, никогда не доставало, что называется, женской хватки, в определенном смысле смелости (или наглости?), четко проработанного плана «захвата», вплоть до распространенного «залета» с последующим вынужденным замужеством, на котором, по моему глубокому убеждению, пожизненно после этого остается след обмана, лежащего в его основе.

Может показаться, что обо всем этом я пишу в негативном смысле, как будто укоряя себя. Отнюдь нет! Сейчас, когда мои годы приближаются к «золотому» юбилею, перевидав в своей жизни различные варианты браков – и счастливые, продолжающиеся до сих пор, и несчастливые, все так же длящиеся, к обоюдному мучению обеих сторон, и разводы, и повторные замужества, драмы со счастливым течением событий и трагедии моих многочисленных подруг, друзей и знакомых, – я окончательно пришла к мысли о том, что каждый должен строить свою жизнь независимо от общественного мнения или общепринятых установок, так, как подсказывает ему его собственное «я». Альтернатива этому – годы, потерянные для жизни и ощущения своей полноценности, а зачастую даже здоровья.

Как это ни странно, я при всем моем максимализме в этом вопросе всегда была и остаюсь стойкой сторонницей брака, семьи, жизни с человеком, который готов и может помочь, поддержать, стать опорой во всех смыслах. Особенно остро я это чувствую сейчас, когда на мои плечи свалилось столько повседневных дел и проблем, ребенок, работа, что одной порой невероятно трудно, физически и морально, тащить на себе весь этот груз. Человек вообще, каким бы он ни обладал характером, всегда нуждается в общении и помощи. Женщина, какой бы силой природы и самообладанием она ни располагала, как и всякий человек, нуждается в опоре. Хорошо, если так происходит и тебе дается счастье встретить человека, прожить с ним жизнь, выстроить взаимоотношения в правильном русле, упокоиться, что называется, и душой, и телом. А если нет?..

Еще одна «линия жизни», которая всегда возникает в этой ситуации для женщины, связана с ребенком. Хорошо, почти идеально, если вопрос деторождения решается в русле брака, желательно, к тому же еще, удачного и счастливого. Жизненный опыт вновь подсказывает мне, что чаще все же два эти русла если не расходятся принципиально, то сосуществуют в каких-то параллельных плоскостях. К тому же, женщина в силу своей физиологии чувствует себя в этом вопросе гораздо более уязвимой, чем мужчина. Мой одноклассник и нынешний коллега, всегда остававшийся холостяком, высказал один раз мысль, показавшуюся мне очень обидной: «Мужчина и в 60 лет кавалер...». Недосказанное продолжение напрашивается само собой. Разумеется, здесь имелся в виду подтекст, что бабий век в этом смысле гораздо более ограничен, как в природном, чисто физиологическом, так и в социальном отношении. Женщине, загнанной в угол жесткими и неумолимыми социальными установками, находящейся в ситуации моральных «ножниц» (рожать или не рожать?), приходилось и приходится идти на определенный компромисс с самой собой, решаясь дать жизнь ребенку вне брака.

Очевидно, что на психологии ребенка, рожденного матерью-одиночкой, в будущем эта ситуация также отражается не лучшим образом. Все-таки, это компромиссный и в определенном смысле изначально психологически и социально уязвимый вариант. Нужна особая мудрость, преданность, абсолютная самоотверженность матери, решившейся на подобный шаг, для того, чтобы заполнить своим присутствием и любовью пустоту, образовавшуюся в семье из-за отсутствия отца. Не всем это по силам.

Нет нужды напоминать о том, что те же тридцать лет тому назад не всякая безмужняя женщина вообще решалась родить дитя. Моя мама рассказывала мне, среди многих, историю своей бывшей коллеги ее тридцатилетнего сына, жизнь которых, к счастью, в результате сложилась успешно: на протяжении всех этих лет мать была безгранично предана своему мальчику, и он, вырастая, ответил ей взаимностью. Так что, мнения о том, что дочь ближе матери, чем сын, видимо, не вполне оправданы. Возвращаясь к истории, когда она, живя в заводском общежитии, забеременела, и все вокруг знали от кого, то сделала отчаянную попытку установить факт отцовства через суд (правда, к сожалению, безуспешно) для того, чтобы хоть как-то оправдать свой «грех» в глазах людей и своей собственной матери, которая жила в деревне и на первых порах чуть ли ее не прокляла. А сколько еще таких историй могут рассказать женщины, которые во имя ребенка отважились на подобный отнюдь не простой, решительный шаг!

Сейчас, к счастью, общество относится к этому значительно проще и гуманнее. Демографические проблемы свели на нет остроту социальной реакции на рождение ребенка вне брака (хорошо еще, что женщины вообще отваживаются рожать, и пока есть от кого), и к тому же у женщины появился хоть и иллюзорный, но выбор, поскольку над теми, кто не имеет детей как в браке, так и вне его, уже не висит знак социальной неполноценности. И все же, как мне кажется, родить ребенка вне брака может и сегодня решиться далеко не всякая женщина. У нас много одиноких женщин, проживших свою жизнь вне семьи и так и не решившихся на рождение ребенка. Причины могут быть разные, не только материальные или социальные, но также личностные и, конечно, не в последнюю очередь, бытовые и экономические. Косвенно я улавливаю их в высказываниях моих бездетных подруг и знакомых (некоторые из них, кстати, довольно успешны и в социальном, и в финансово-бытовом смысле), которые, что было на первых порах для меня шокирующим, в один голос говорили, что, усыновив ребенка, я совершила большой подвиг. Правда, никто так и не смог мне объяснить подробнее, какой именно, но факт налицо – ребенок при одинокой женщине у нас и сегодня явление не вполне ординарное. Я уж и не говорю о таком непростом деле, как усыновление.

Поскольку я относилась до недавнего времени к категории безмужних и бездетных, я часто размышляла и до сих пор размышляю над этими вопросами. Конечно, в каждом отдельном случае здесь присутствует много личных мотивов и аргументов «за» и «против». Но, как мне кажется, и с общественной, и с семейной точки зрения в данной ситуации есть действительно определенная доля ущербности. Несомненно, дети должны идти по жизни, держась одной рукой за маму, и другой – за папу. Дитя должно с детства купаться в атмосфере двусторонней перекрестной любви, лучи которой согревают его и делают человеком. Только в этом случае можно достичь равновесия и стабильности в воспитании (хотелось бы, но не всегда, к сожалению, получается). Если, по разным причинам, одна из сторон (чаще всего – мужская) отсутствует, незримая вина за это все равно ложится на женщину, и ребенок, так или иначе, страдает, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Понятно, что далеко не в каждой полной семье дети по-настоящему любимы, и они от этого также очень страдают, но я веду речь об ином. Кстати, усыновленному ребенку оказалось гораздо легче объяснить, почему у нас нет папы. Он ведь знает, что у детей бывают разные ситуации, даже такие, в которых дети живут в детском доме вообще без родителей. Так что, тот факт, что у него есть любящая его мама, его удовлетворяет. Но, к великому моему сожалению, мой ребенок также нуждается в папе, и хотя он об этом со мной не говорит, я наблюдаю за его играми, и там

всегда непременно присутствуют мама, папа и ребенок. Увы, я не вольна найти ему папу «по заказу», хотя мне бы этого тоже очень хотелось. Далеко не всякий мужчина в нашем обществе готов стать настолько гуманным, чтобы взять на себя обязанности по воспитанию «чужого» (и уж тем более «такого»!) ребенка. Но это также предмет отдельного разговора.

В качестве своего рода «лирического отступления» хочу поделиться опытом своих наблюдений по поводу семьи и брака, который я получила во время моей научной стажировки в Индии в 1995 г. Конечно, с тех пор прошло уже более десяти лет, и в Индии, стремительно развивающейся во всех смыслах, в том числе и социальном, за это время, вероятно, произошли определенные изменения. И все же до сих пор, как я знаю, подавляющее большинство браков как среди мусульман, так и у приверженцев индуизма, осуществляется по сговору родителей. Такая же ситуация, без сомнения, характерна и для ряда других стран Азии, где традиции все еще сильны. Не хочу погружаться в обсуждение того, что здесь позитивно, а что негативно. Понятно, что и в этой ситуации брак протекает очень по-разному, как и везде. И все же, ощущение, которое у меня осталось, заключается в том, что индийцы, вступающие в брак и уверенные в том, что ситуация складывается положительно, изначально настроены на то, что в процессе совместной жизни любовь обязательно придет. И она приходит! Во всяком случае, мне нигде не довелось видеть столько по-настоящему счастливо и прочно живущих совместной жизнью пар, доживающих до глубокой старости и безмерно почитающих и любящих друг друга. Дети тоже растут, как правило, в атмосфере всеобщего почитания и любви, наверное, потому, что они все жданные и желанные. Где и когда мы растеряли все это? И так ли уж хороша наша пресловутая западная «свобода выбора»? Не оборачивается ли она в действительности свободой остаться одной?..

Все это вопросы, наблюдения и размышления над которыми очень обострила моя личная история. Я вожу своего ребенка в детский сад, вижу, что называется, «срез» общества по детям, которые посещают нашу группу, и с ужасом отмечаю, что мы живем в целом в ситуации огромного дефицита любви, любви в целом и в частности, в том числе к себе, к близким, детям, и именно дети это чувствуют особенно обостренно. Далеко не все родители, оказывается, готовы по-настоящему любить своих детей, рожденных в браке и, как следует полагать, в основном запланированных, и бесконечно переносят свои взрослые взаимоотношенческие проблемы на их маленькие головы. В группе моего сына я уже вижу много разных проблем, судеб, и характеров, с которыми моему ребенку придется взрослеть и жить бок о бок.

Особый вопрос здесь, разумеется, сиротство, и особенно социальное (сироты при живых родителях) – катастрофическая проблема, с которой мы столкнулись в наши дни и которая, по-видимому, и к нашему великому сожалению, не имеет тенденции к исчезновению в ближайшем будущем. Какой механизм должен сломаться в биологии, физиологии, психике женщины (я уж не говорю о мужчинах), чтобы она, родив в браке троих детей, всех их раздала по разным детским домам, как это случилось с биологическими родителями моего ребенка. Она «сдала» моего мальчика в Дом ребенка в возрасте шести месяцев – самый для маленького человечка критический возраст, когда он только-только открывает на мир свои глазки, – ни разу после этого не поинтересовавшись тем, как он там выживает. Самое удивительное, что на суде по поводу лишения родительских прав женщина, которая дала ему жизнь (за что я всегда буду ей благодарна) не признала правомочности решения суда, и, стало быть, у моего сына в будущем есть шанс попасть в душещипательную передачу «Жди меня» и увидеть рыдающую у него на плече, незнакомую ему тетку со спитым лицом, которая будет сквозь слезы просить у него прощения за все то, что она с ним сделала.

У меня часто спрашивают, почему я не захотела родить ребенка «для себя». Это еще один из устойчивых стереотипов нашего сознания. Об этом я как раз пишу выше. Перед глазами ряд примеров, и в том числе – моей подруги, которая, потеряв надежду выйти замуж и таким образом «устроить жизнь», почти в сорок лет отважилась родить ребенка. После этого она уехала в поисках лучшей доли в Израиль, и неудачно – выживала, работы по специальности не нашла, и ребенок остался где-то на периферии жизни. Сейчас дочери 17 лет и у нее с матерью отсутствует какой бы то ни было душевный и духовный контакт. Я абсолютно убеждена – ребенка нельзя родить для себя, тем самым еще до рождения задавая ему установку на то, что он непременно пожизненно должен чувствовать себя обязанным родителям за то, что они произвели его на свет, вырастили и воспитали. Подобных драматических ситуаций, в которых великовозрастное дитя, находящееся всю жизнь в усиленном поле материнского притяжения или, наоборот, оттолкновения, лишено начисто зрелости и самостоятельности в мыслях и поступках, тоже немало на этом свете. Ребенка, это для меня совершенно ясно, можно родить только для него самого, всячески помогая ему в жизни до тех пор, пока ему это будет необходимо, и надеясь втайне на то, что эта необходимость перерастет с течением времени в обоюдную. Ребенок не должен быть также залогом улучшения родительских отношений, или решения личных проблем. Напротив, как правило, появление ребенка способствует окончательному обострению имевшихся в жизни трений,

и проблемы, скрытые до этих пор, с появлением ребенка «вылазят» как из ящика Пандоры.

Вообще, конечно, рождение ребенка – одно из чудес, которое, по моему глубокому убеждению, нельзя стопроцентно ни спланировать, ни предусмотреть. Ребенок – дар Божий, который появляется на свет независимо от наших усилий. У кого-то появляется, а у кого-то нет. В традиционном обществе все проще – девушка достигает определенного возраста, выдается замуж, рождает столько детей, сколько пошлет Господь, занимается хозяйством, не требуя взамен никаких особых поощрений. Так проще, но, к сожалению (или к счастью?) для нас, мы живем совсем в другом социуме, который диктует нам иные «правила игры».

...Когда я окончательно поняла, что у меня не будет своего ребенка, я немедленно извлекла на свет тот вариант, который всегда держала при себе, который подспудно вынашивала на протяжении многих лет. Усыновление отнюдь не стало для меня неожиданным решением. Теперь мне даже кажется, что я всегда знала о том, что ребенок появится у меня именно таким образом. У нас в семье всегда существовала история, которая также, по-видимому, спровоцировала это моё решение. Моя бабушка, которая всю жизнь прожила с нами и вырастила меня и моего брата, в конце 30-х годов осталась вдовой с маленькой дочерью, моей мамой, на руках. Судьба ее, драматичная и страшная, сложилась подобно судьбам многих тысяч женщин ее поколения: нищее детство в глухой белорусской деревне, затем замужество и смерть маленького сына, рождение моей мамы и гибель мужа, раннее вдовство, война, эвакуация, голод и работа в полевом госпитале, послевоенная нищета... Всю свою жизнь она, растя мою маму одна, проработала учительницей начальных классов, была, что называется, учителем «от Бога», работала самоотверженно и с огромной любовью к детям. Ее ученики продолжали узнавать ее на улице даже тогда, когда она была уже глубокой старухой. Так вот, моя мама рассказывает, что в одну из экскурсионных поездок в Москву они жили вместе с группой детей из детского дома. Среди них был один мальчик, с очень грустными глазами, которыми он все время смотрел на мою бабушку и маму. Мама предложила бабушке взять его, но бабушка отказалась и сказала, что они и так еле-еле сводят концы с концами, и еще одного члена семьи им «не потянуть». Мама говорит, что она потом его все время вспоминала и не забывала никогда. Вот этот-то образ мальчика-сироты с грустными глазами и стал нашим семейным

апокрифом, своего рода установкой, которая, по-видимому, и должна была реализоваться.

Сказать о том, что мой путь в Национальный центр усыновления был легок и решителен, было бы большой неправдой. Напротив, решение – решением, но ноги мои меня не несли в то место, которое мне было известно по телевизионным рекламам. Я думаю, что это и есть тот самый главный порог, переступить который суждено далеко не всем. Видимо, у каждого в жизни складывается определенная сумма обстоятельств, которая приводит или не приводит к окончательному решению. Возможно, если бы жизнь нашей семьи сложилась иначе: были бы живы бабушка и папа, не уехал бы в другую страну брат с семьей, я бы жила совсем иначе. Я обожала племянников, которые с детства росли при мне и отвечали мне взаимностью, и очень болезненно восприняла их отрыв от нас. Но семейная наша карусель прокрутилась и случилось так, что более чем за 10 лет до моего решения мы с мамой, живя прежде в большой и шумной семье, остались одни. После такого перелома перестроиться было немыслимо сложно, и полностью, как очевидно, уравновеситься мы так и не смогли. Потом я много и увлеченно работала, объездила полмира, вела светский образ жизни, но все же... Приходить домой и оставаться наедине с пустотой было немыслимо. Особенно страшными для меня стали выходные и праздничные дни, и еще долгие преподавательские каникулы, когда отрываешься от обычного бега жизни, событий, работы, общения, и особенно остро ощущаешь то одиночество, которое, я уверена, испытывают в этой ситуации все бездетные женщины. Жить «для себя» не имело смысла, да я этого никогда не умела – в нашей семье никто никогда не жил для себя. После бабушкиной смерти в шкафу осталось два фланелевых халата и ночная сорочка, новая, так никогда не надеванная, подаренная ей много лет тому назад и оставшаяся лежать без дела. Мама – человек огромного духовного заряда, всю жизнь отдавшая детям и мужу, выхаживавшая многие годы бабушку, впавшую в беспамятство болезни Альцхаймера, – лишившись после нашего семейного перелома своих прежних забот, заболела и еще долгое время на могла, да так и не смогла уже никогда восстановить жизненное равновесие.

Именно это стало катализатором, непосредственно подтолкнувшим мое решение – болезнь мамы. Мама лежала в онкологии, и тогда еще не было ясно, каков будет диагноз. Было это в январе, в рождественские дни, которые в тот год выдались морозными и снежными. Я каждый день навещала ее в больнице, и потом, продираясь сквозь мороз и метель, приходила в пустую квартиру,

садилась и выла. До меня не просто на уровне ума, но как-то физически, что называется, «дошло», что мама уйдет в свой час, а я останусь на этом свете абсолютно одна, и никакая даже самая любимая и престижная работа, никакие научные успехи и, тем более, никакая светская жизнь не заполнят страшную пустоту, образовавшуюся после этого. Я билась в истериках, рыдала на плече у подруги, глотала горстями успокоительные лекарства, но кризис все не проходил. Слава Богу, с мамой в тот раз все обошлось. Лето прошло в мучительных раздумьях, и в октябре я направилась по хорошо известному мне адресу. Мама всячески поддержала меня в моих начинаниях, мы вспоминали ту самую семейную историю про мальчика и думали о том, как оно все обойдется. Думаю, что если бы не она, я так бы и не решилась на усыновление. Пишу это, зная, как много есть женщин, живущих с мамами преклонного возраста и испытывающих гнет от мысли о том, что мамин родительский эгоизм не позволит им решить свою судьбу так, как им этого хочется...

Моя подруга, пережившая в жизни многое и усыновившая к тому времени своего первого ребенка (теперь у нее кроме дочери есть еще маленький сын, тоже усыновленный), поддерживавшая меня бесконечно в период моих мучительных раздумий и сомнений, напомнила мне хорошую мысль: если хочешь чего-то, то обязательно добьешься, а если не добиваешься, то не очень хочешь. И еще: лучше жалеть о том, что сделано, чем о том, чего не сделано. От себя добавлю – оправдывается тот, кто чувствует себя неправым, а кто прав, ищет подтверждения своим поступкам. Сейчас, по прошествии времени, я анализирую тогдашние свои страхи и сомнения и думаю, что это именно те сомнения, которые мешают многим, кто подумывает о том, чтобы усыновить ребенка, но до решительных действий так и не доходит. Что-то этому последнему шагу всегда очень мешает. Главным образом, особенно если это люди в возрасте за 40, трудно даже в мыслях и представлениях разместить ребенка в пространстве и времени своей уже налаженной жизни. Страшно сломать что-то уже выстроенное, хотя это что-то и не вполне удовлетворяет. Страшно разрушить существующие схемы взаимоотношений, пусть они также уже больше тяготят, чем радуют. Одним словом, страшно нарушить инерцию, хотя умом и понимаешь, что многое в том, что кажется жизненно определенным, на самом деле иллюзия. Надо сделать решительный вдох и броситься в прорубь, но как же это трудно, почти невыполнимо! Наверное, если люди живут парой, то решение одного укрепляется ответным решением другого. Одной же мне это решение было ох как нелегко принять. И все же я решилась.

Даже после того, как я сходила на первое собеседование в Центр и получила необходимый пакет документов для оформления (кстати, об этом также спрашивают многие – документов совсем немного, все они оформляются бесплатно и если задаться целью, то можно все сделать за пару недель), я еще ждала несколько месяцев. Подлечивала болячки, рассудив, что потом мне будет некогда. Решила еще раз перед тем, как нырнуть с головой в усыновление, съездить в зарубежную командировку, поняв, что после того мне еще долго будет не до поездок. И вот, наконец, документы оформлены и можно приступить к делу. И в этот период настроение было не самое лучшее, было тревожно и непонятно, как все пойдет в дальнейшем. Я думала, что процедура подбора будет предшествовать оформлению документов, но все оказалось совсем наоборот, и это создавало большое напряжение. Тем более что к этому времени мы уже знали, что ситуация с детьми, подлежащими усыновлению, совсем непростая. В нашей группе, проходившей психологическое обучение, были пары разного возраста, и среди них были такие, кому было все равно, девочка это будет или мальчик. Я же хотела только мальчика, точно так же, как мои коллеги по усыновлению (сейчас мы, что называется, дружим семьями) хотели только девочку. Мне было известно, что с мальчиками ситуация в этом смысле более «благоприятная»: их чаще оставляют и реже берут на усыновление. Моим же друзьям пришлось ждать более полугода, прежде чем они нашли для себя того ребенка, которого захотели взять в семью. Это самое, пожалуй, тонкое в этом деле – найти именно «своего» ребенка. Но об этом тоже немного позже.

Как уже было сказано, прежде чем приступить к процедуре выбора ребенка, всем членам собравшейся к тому времени группы претендентов на то, чтобы усыновить ребенка, необходимо было пройти курсы психологической подготовки. Думаю, это очень важный и совершенно необходимый этап, поскольку даже те семьи, которые хотят взять ребенка в дополнение к уже имеющимся своим детям, и, стало быть, обладают определенным опытом воспитания, все же не вполне представляют себе, с какими специфическими проблемами им придется столкнуться в будущем. Конечно, тут нет никаких рецептов и выводов на все случаи – каждая отдельная ситуация и каждый отдельно взятый ребенок уникальны, но тем не менее, есть и нечто типичное,

что необходимо знать и к чему обязательно надо готовиться каждому потенциальному усыновителю.

Самая первая и важная тема, которая, на мой взгляд, определяет изначально успех или неуспех усыновления, это мотивация усыновления и ожидаемые его результаты. Тысячу раз была права наша психолог, когда говорила нам о том, что усыновление не может и не должно решать какие-либо личностные или семейные проблемы усыновителей. Теперь тем, кто решается на усыновление и консультируется со мной, я всегда непременно говорю – сначала решите все свои проблемы: личностные, семейные, проблемы здоровья, проблемы с работой, а потом уже усыновляйте ребенка. Если не ладятся семейные отношения – будьте уверены, что они с появлением в семье ребенка непременно развалятся. Знаю, что есть пары, которые несчастливы в семейной жизни, и не последний повод для этого – отсутствие детей. Но не это, на мой взгляд, определяет подлинные причины семейных неурядиц. Они всегда гораздо глубже, в межличностных отношениях, и появление в семье ребенка, как правило, отнюдь не является панацеей и лекарством для успешного разрешения ситуации.

Странно, но далеко не все бездетные пары стремятся усыновить ребенка, хотя, казалось бы, это наиболее естественное решение в данном случае. Как было бы хорошо, почти идеально – каждая бездетная семья берет по одному хотя бы ребеночку, и проблемы с сиротством в нашей стране решены! Ведь создалась же в наши дни такая уникальная ситуация, когда растет число бездетных пар, и одновременно увеличивается количество сирот при живых родителях. Видимо, есть в этом какой-то высший баланс, своя космическая стратегия. Пробует, испытывает нас Господь на любовь, милосердие, создает для нас свой «тест», а мы его, что очевидно, не проходим с успехом.

Женщины (и женщины в первую очередь) страдают от отсутствия ребенка в семье, хотя, кстати, далеко не всегда именно они являются причиной семейного бесплодия. Но решиться на такой шаг, как усыновление, не могут, и главным образом из-за негативного отношения к этому большинства мужей. Здесь, вероятно, играет роль и мужской эгоизм, выработанный годами, и многолетняя инерция совместной жизни, в которой, кажется, люди уже «притерлись» друг к другу, хотя в глубине души все равно страдают. Я сейчас, посещая с сыном разные места, испытываю обращенные в мою сторону слова восхищения, когда люди узнают, что у меня усыновленный ребенок: «Какая Вы молодец, что решились на этот шаг, а мы вот с мужем живем уже много лет без детей». В ответ на мои предложения сделать то же самое, женщины почему-то гаснут и молчат. Приятельница рассказывает, что муж одной ее знакомой – а

они живут без детей уже много лет – в ответ на ее вопрос о возможности усыновления ребенка заявил, что ему легче найти на стороне бабу, которая ему родит, чем взять «чужого» ребенка. И с таким человеком после этого можно жить?.. К сожалению, видимо, многим бездетным женщинам, живущим в паре, приходится делать выбор между ребенком и мужем. Чаще всего – в пользу последнего. И редко встречаются такие пары, как у этой же моей приятельницы: она создала семью уже в зрелом возрасте, у ее мужа выросли двое детей от первого брака, и когда после нескольких лет совместной жизни они поняли, что не могут родить своего ребенка, ее муж сказал: «У меня дети уже есть, так почему бы и моей жене не иметь своего ребенка?». В девочке, удочеренной три года тому назад, не чаёт души, и все они втроем абсолютно счастливы. Так что, воистину, появление в семье ребенка – лакмусовая бумажка отношений между мужем и женой. Женщины, делайте свой выбор!

Еще одно важное условие мотивации усыновления – не брать ребенка затем, чтобы он заполнил брешь, образовавшуюся в душе. Если человека гнетет одиночество – это значит, что и своему будущему ребенку он не сможет предложить ничего, кроме тоски и комплексов. Душевный разлад – причина абсолютно внутренняя, связанная с дисгармоничным статусом личности. Если человек не уверен в себе, то как он сможет внушить своему дитяти уверенность, в которой маленький человечек нуждается как в воздухе? И если родитель или родители постоянно раздражены, недовольны, то что в этом случае выплескивается на его головку? Об этом стоит подумать и тем родителям, которые имеют своих детей и годами не могут найти время, душевные силы, любовь для того, чтобы его растить, потому что всего этого лишены сами. Родитель для ребенка – незыблемая скала, оплот крепости духа, кладезь позитивного отношения к себе и жизни, обитель душевной щедрости, любви и еще сто раз любви. Родителем в любом варианте родительства должен стать только тот, кто готов им быть, готов любить свое дитя уже потому, что оно есть на свете (а не потому, что он «хороший»), ухаживать за ним, растить, вкладывать в это смысл и радоваться результатам своего нелегкого созидательного труда. Если этого нет, то и ребенок в фундаменте своем закладывается как обделенный и обездоленный. Последствия этого очевидны, хотя многие родители, уверена, об этом даже не думают. Хорошо, что у потенциальных родителей, собирающихся усыновить ребенка, есть курсы психологической подготовки. Я уверена, что через такие курсы должны были бы пройти абсолютно все родители, особенно молодые и душевно незрелые, в противном случае мы получим, как получаем уже сейчас, «продукт» в виде

детей, отягощенных массой комплексов, просто нездоровых телесно и психически.

Еще один существенный момент, о котором нам также говорила психолог. Усыновление ни в коем случае не должно расцениваться усыновителем как акт героизма, или повод для привлечения к себе общественного внимания. Материнство или отцовство в любом случае – сознательный шаг, последствия которого необходимо предвидеть и не делать из него вымпела, повешенного на грудь. А ведь как соблазнительно, знаю даже по себе, козырнуть при случае тем, что вот, мол, у тебя усыновленный ребенок, и так далее, и тому подобное, тем более что со всех сторон восхищенные голоса напевают: «Вы такая героиня!», «Вы совершили такой подвиг!», «Вы такая самоотверженная женщина!». И хочется, чтобы так было и дальше... Но приходит момент, и я одергиваю себя и перестаю «козырять» этим обстоятельством. Я – одна из десятков и сотен тысяч матерей, и тот факт, что мой ребенок появился у меня иначе, чем обычно, ничего не меняет. В чем героизм моего поступка, искренне клянусь, я до сих пор не могу понять. От дивана, что ли, мой ребенок меня оторвал? От светской жизни? От бесконечного переливания из пустого в порожнее своих и чужих проблем? Так ведь нет. Стало труднее? Да. Но и совсем другой в жизни появился смысл. Кстати, я теперь сталкиваюсь и с тем, что некоторые молодые мамы, гордящиеся тем, что дали жизнь ребенку, очень настаивают на том, что с этого момента они находятся в каком-то особом положении. Думаю, что это издержки нашей современной демографической ситуации, когда каждый ребенок у нас – на вес золота, а мама, его родившаяся, чуть не становится героиней. Вообще-то, ребенок – это самое естественное, что может быть у женщины. Не зря вспоминают старые люди те времена, когда рожали столько детей, сколько рожалось, и не в самых лучших условиях их растили, при этом работая в поле и дома, и никто никогда не жаловался. «Женская доля» – это про другое, не про детей. Так что, при всем том, что государство, конечно, должно создавать определенные социальные преференции детным женщинам, тот факт, что женщина растит ребенка, одновременно работая и делая все остальное, должен быть принят априори теми, кто собирается заводить детей. Или, как это существует сегодня, решить для себя – работа или ребенок. У меня такого выбора нет, и может быть, это к лучшему. Я – глава моей маленькой семьи и единственный ее «заработчик», так что приходится делить себя на много частей. Ну что ж, как говорит пословица, чем больше человеку надо успеть, тем больше он успевает. Но зато из жизни ушли все бесплодные минуты и часы терзаний по поводу того, что я неполноценна. Я усыновила ребенка уже в зрелом возрасте, и в этом, как мне кажется, есть большое преимущество. Во-первых, я слегка

обманула природу – захотела иметь ребенка тогда, когда для этого созрела, а не тогда, когда в деторождении играет роль исключительно физический фактор. Во-вторых, у меня уже нет никаких комплексов на тему о том, что я чего-то в жизни из-за ребенка, рожденного «не вовремя», не успела. Я сделала карьеру и продолжаю успешно ее развивать, я знаю мир и людей, немало поездив по свету, я, наконец, состоялась как личность, и все это мне очень хочется передать моему мальчишке, на котором теперь сосредоточились все мои наилучшие жизненные помыслы. Да, вероятно, я, как говорят многие, спасла его маленькую душу от терзавших ее страшных мучений и, надеюсь, смогу обеспечить ему достойное будущее. Но ведь и он спас меня! Спас от душевной дисгармонии, от одинокого и бессмысленного доживания жизни наедине с самой собой. Жизнь действительно наполнилась новым смыслом, и этот смысл, как я понимаю теперь, является для женщины базовым.

Одиноким женщины, оставьте для себя все свои разговоры о том, что в жизни может быть много интересного и помимо ребенка! Знайте – каждая женщина должна вырастить дитя, иначе ее жизнь лишена самого главного. К этому прилагается все остальное, а если не прилагается – ну и Бог с ним. Главное, что рядом есть маленький человечек, который страстно тебя любит, нуждается в тебе каждую секунду своей маленькой жизни, безгранично тебе доверяет и берет с тебя пример. Это ли не счастье, которое искупает все – и усталость, и бессонные ночи, волнения, тревоги, траты, отсутствие возможностей съездить еще на один престижный курорт или в еще одну заграничную командировку. Когда я ухожу с работы, переполненная впечатлениями дня, к сожалению, не всегда позитивными, и вхожу в дверь детского сада, с его совершенно особыми запахами еды, уюта, детей, детским гомоном из-за дверей групп, я понимаю, что все в жизни меркнет перед этим оазисом детства. Одиноким люди! Не заводите кошек или собак, если в доме нет ребенка. Усыновите лучше дитя, и оно ответит вам благодарностью и доверием. Разумеется, в том случае, если и Вы вложите в него всего себя без остатка, без компромиссов. Бесплодные пары! Не терзайте себя многолетними, растущими, как ком, комплексами по поводу своих диагнозов, не губите свою душу бессмысленными обследованиями. Не дал Бог дитяти, так не дал, надо с этим смириться и принять этот факт как неизбежность. Но у вас всегда есть замечательный выход. Все опасения на тему о том, можно ли любить «чужого» ребенка как своего, беспочвенны. Своего ребенка я обожаю в сто раз больше, чем если бы он был моим физиологически. Мое материнство – это что-то совсем другое, чем когда все идет так, как заведено.

Итак, я, подобно тем, кто собрался на курсы психологической подготовки, просто хотела иметь ребенка. И вот настал тот самый решительный момент выбора, который, как я хорошо понимала, станет поворотным в моей жизни. Волнение мое в тот момент невозможно передать никакими словами.

Для начала нам были предоставлены для обозрения многочисленные документы детей, находящихся в разных детских домах Беларуси и подлежащих усыновлению. Кстати сказать, далеко не все дети, находящиеся в подобных учреждениях, могут быть усыновлены, поскольку необходимым условием здесь является то, имеет ли ребенок статус социального сироты, то есть лишены ли юридически его родители родительских прав. К сожалению, так бывает далеко не всегда, и я думаю, что есть довольно много детей, которые по этой причине обречены на пожизненное сиротство. Хорошо, что сейчас развиваются альтернативные и дополнительные формы, позволяющие взять в семью ребенка с разным юридическим статусом, ведь среди этих детей есть столько замечательных и привлекательных ребят, способных составить радость родителям, желающим их растить.

Уже по документам стало понятно, какая бездна горя и печали раскрывается перед моими глазами. Дети, обремененные многими диагнозами, с младенчества болеющие такими болезнями, от которых становится просто жутко. Редко встречаются случаи, когда ребенок не имеет братьев и сестер, или их количество ограничено одним-двумя. Чаще же в детские дома «идут» целыми группами, иногда – по 13-14 детей, рожденных нередко от нескольких отцов. С документов смотрят на тебя детские личики, самые разные, и глазенки тоже разные, и ты осознаешь, что все это дети, у которых никогда не будет нормального детства, и жизнь их тоже никогда не сложится нормально. А скорее всего так, как сложилась у тех, кто «сдал» их в детдом.

Все это с самого начала создало для меня ситуацию настоящего потрясения. Вот так, подумала я, жизнь проживешь и никогда даже не представишь себе, что можно узнать такое. Это, знаете ли, сам по себе очень важный, тяжелый, и вместе с тем поучительный жизненный урок, который заставил меня задуматься еще раз над многими вещами, казавшимися раньше бесспорными. Век живи – век учись.

Стало понятно, что, как это ни странно, при огромном количестве потенциальных кандидатур, круг детей, которых действительно можно было бы усыновить, крайне ограничен. Ведь для усыновления хочется подобрать ребенка, что называется, «как для себя» – относительно здорового, с более не менее

нормальными, или приближающимися к норме параметрами развития, а таких, к сожалению, единицы. Бывают, конечно, редкие случаи, когда ребенок попадает в детский дом из семьи, которая погибла, или в результате каких-либо еще подобных обстоятельств; такой ребенок, проведший хотя бы какую-то часть своей жизни в нормальных условиях, или, как минимум, в общении с пусть и бог весть какой, но мамой, отцом, бабушкой, как правило, не слишком отличается по развитию от обычного, разве что тем, что он уже испытал в своей жизни с надлом, последствия которого будут еще долго сказываться.

Но большая часть детей попадает в дома ребенка младенцами (как в случае с моим сыном), и этот вариант во сто крат тяжелее по своим последствиям. Депривация, или ситуация, при которой ребенок растет и развивается, будучи отлученным от нормального общения с матерью (родителями) – тяжелый диагноз, который можно поставить многим и многим детям, находящимся в детских домах. Последствия депривации оказываются настолько тяжелыми, что это даже трудно себе представить, а возможность их преодолеть, как я думаю, в том числе и про себя, требует долгих лет неустанной работы, да и то полное исцеление вряд ли можно гарантировать. Я все время пытаюсь представить себе всю меру тоски, в которую было повергнуто мое бедное дитя, насильно оторванное от материнской руки (какой бы она ни была) и брошенное в вольер для младенцев, таких же обездоленных, как и он сам. И как он рос потом, пугаясь темноты, испытывая страх и ужас перед неизвестным, плача и не находя утешения, оставаясь наедине с самим собой и не получая материнской поддержки. В том возрасте, когда только мама может и погладить, и утешить, и подуть на «ваву», ребенок остается наедине со своим горем, которое, конечно, кажется ему огромным и неисцелимым. Матери, которые растят своих детей, я думаю, могут представить себе глубину трагедии, которая случается с депривированными детьми. А вот те, кто оставляет детей подобным образом, нет сомнения, ни о чем таком даже не задумываются. Сдали ребенка, и до свидания, государство вырастит, накормит, напоит, вылечит и воспитает.

Вот где, по моему мнению, настоящий корень проблемы, самая центральная болевая ее точка – матери, которые не хотят и не могут быть матерями в силу воспитания и среды, в которой растут и формируются они сами. Вот откуда необходимо начинать работу, если мы хотим спасти свое будущее. Знаю, работники социальных служб прикладывают немало усилий в этом направлении. Среди них, безусловно, нет равнодушных и незаинтересованных людей, поскольку в этой сфере вообще невозможно работать, оставаясь незаинтересованным лицом. Но этого недостаточно. Я абсолютно уверена в том, что пока здесь не встанет все наше общество, не вздрогнет от ужаса

надвигающихся на нас социальных и демографических перспектив, не смягчится душой, не озаботится существующим положением дел, усилиями единиц или даже целых служб перелома не добиться. В среде молодых людей, к сожалению, семейные ценности во многом отступили на второй план, дав место совсем иным жизненным категориям: успеху, престижу, деньгам. Как сказали мне в центре, состоятельные бездетные пары совсем не торопятся усыновить ребенка, или просто помочь хоть чем-то. А уж что говорить о людях, которые в силу своих личных, или каких-то еще причин просто не справляются с жизнью, «идут под откос», влача бессмысленное существование, приводящее к печальному концу и их самих, и рожденных ими детей.

Белорусский человек добр и толерантен. Но где наша готовность протянуть руку помощи тому, кто в ней нуждается, создать такую ситуацию в обществе, в которой были бы немислимы любые проявления жестокосердия? Почему мы оказались обозлены или опустошены сердечно и душевно до такой степени, что потеряли элементарную человечность? Мою душу постоянно коробит сцена, которую я частенько наблюдаю в транспорте – пьяный мужик терроризирует всех стоящих вокруг, голосит, изрыгает потоки брани и мата, а люди, в большинстве своем, реагируют на это благодушным смехом – вот, мол, мужик, «дает дыму». Некоторые даже пытаются вступить с ним в диалог. Почему никто не подумает о том, что у него, возможно, дома сидят взаперти некормленные дети, или о том, что вообще такой персонаж как в качестве человека и мужа, так и в качестве родителя просто отвратителен. Ни слова укора или неодобрения, люди в основном равнодушно молчат... Или другая сцена, прямо противоположная этой, но абсолютно близкая по смыслу – кто-то валяется на остановке, или даже в автобусе, как это я недавно видела. А всем безразлично: «Набрался, пусть валяется». Молодой парень лежал лицом в грязный автобусный пол, а рядом с ним на сиденье восседал пожилой пенсионер, прекрасно одетый и, видимо, чрезвычайно гордый своими моральными качествами. В ответ на мою реплику о том, что человека неплохо было бы поднять и элементарно посмотреть что с ним, был дан соответствующий ответ. У меня защемило сердце, я подошла к водителю и попросила вмешаться, что и было сделано, к неудовольствию некоторых сидящих в салоне, поскольку пришлось задержаться в пути.

К сожалению, у многих людей совершенно отключены каналы обратной человеческой связи, элементарной гуманности и желания помочь ближнему, в какую бы беду он ни попал. Мы почему-то черствы, нечувствительны к человеческой боли, неспособны к элементарному участию и сочувствию. Но почему? Ведь даже те, кто живут сегодня в достатке, должны думать о том, что

и они также могут не избежать проблем. Жизнь при случае одинаково бьет всех, и то, что казалось прочным сегодня, завтра может рассыпаться в прах, а человек окажется наедине со своей бедой. И что тогда? К кому бежать за помощью? В наших деревнях пока еще по-прежнему не бросают человека на произвол судьбы, помогают все, чем кто может, но в городах ситуация часто совсем иная. Люди разобщены, зажаты тисками своих проблем и нечувствительны к чужому горю. Так и хочется обратиться с призывом ко всем: «Люди, будьте людьми! Будьте человечными, не проходите мимо чужой беды, старайтесь помочь, чем только можете». Я, конечно, несмотря на свой возраст, большая идеалистка, но уж лучше так, чем сидеть в своем блиндаже, окопавшись и делая вид, что вокруг все хорошо и ничего не происходит. В мире было, есть и будет так много страдания и слез, что их не измерить и океанами. Но все же я до сих пор верю в то, что если бы мера страдания одних людей была бы хотя бы на капельку разделена другими, мир стал бы лучше. Во всяком случае, я, не считая себя ни на секунду никаким особенным идеалом, старалась и стараюсь сделать в этом направлении то небольшое, что зависит от меня лично, и испытываю от этого колоссальную радость и человеческое удовлетворение.

Хочу высказать особенные слова в адрес работников медицинских и воспитательных учреждений, работающих с сиротами. Во всяком случае, это касается тех, с кем меня столкнула судьба и которые своими действиями очень мне помогли. По понятным причинам, я не указываю ни мест, ни имен, но эти люди до конца моей жизни будут стоять первыми, после моих родных, в моем личном благодарственном списке. В этой сфере практически (думаю, что исключения редки и лишь только подтверждают правило) не встретишь равнодушных, замкнувшихся на своем личном благополучии людей. Уверена, что сюда идут работать не столько и не столько за лишними деньгами, впрочем, совсем небольшими. Невозможно быть черствым душой и общаться день в день, минута в минуту с детьми, которые каждый день ждут маму и плачут, когда она не приезжает. Думаю, за эту, связанную с постоянным пребыванием в состоянии психологической травмы, повседневную нелегкую работу им воздастся отпущение многих грехов. Спасибо им!

Наконец настал черед встретиться с реальными детьми, избранными в качестве кандидатов на усыновление. Первым в этом списке оказался мальчик, живущий в детском доме одного из региональных городов, так что мне предстояла поездка за пределы Минска. Конечно, я очень волновалась, без

конца перебирала в голове те немногие сведения, которые о нем имела – мальчик дошкольного возраста, находится в детском доме сравнительно недавно, мать – алкоголичка, про отца ничего не известно. История более чем типичная. Приехала я на место хмурым и холодным апрельским утром (весна в тот год все никак не хотела наступать), доехала до детского дома на автобусе, и вот я, наконец, на месте! Уже потом, после того, как я посетила другие детские дома, я поняла, что здесь есть какая-то странная закономерность – сиротские дома нередко расположены в отдалении от крупных жилых массивов, или отгорожены от городского ландшафта парками или деревьями. Создается впечатление, что их сознательно ограждают от живого течения человеческой жизни (может быть, я не права), и это, как мне кажется, неправильно. Дети и так устранены от жизни, а тут еще этот вакуум вокруг, как на острове, что ли.

Вот и мой первый детский дом также находился в конце какого-то «частного сектора», примыкая к лесу. Зайдя в помещение, я сразу оценила то, о чем меня предупредила меня моя подруга – особый запах. Я даже не могу сказать, какой он, но совсем не тот, что я ощущаю сейчас, когда прихожу за ребенком в обычный детский сад. Одно могу сказать смело – так пахнет обездоленное сиротство, и сердце сразу защемило. Сам детский дом – обычное здание типа детского садика, вокруг на улице – игровые площадки. Ничего особенного, если бы не этот запах, и еще мои эмоции, усиленные бессонной ночью.

Директор детского дома встретила меня очень приветливо, пошла со мной к врачу, мне показали все медицинские и иные документы, рассказали о ребенке. Работники детских домов, как правило, очень стараются представить ребенка с наиболее выгодных его сторон, что я вполне оценила, но не скрывают также и проблем. В общем, к тому моменту, когда мне предложили идти в группу, я была хорошо информирована о моем потенциальном кандидате на усыновление. Думаю, что в этой ситуации каждый человек старается психологически настроить себя скорее позитивно, чем негативно по отношению к тому ребенку, которого ему предстоит увидеть – ведь не исключено, что он может оказаться «тем самым». Я тоже сразу постаралась создать в своем уме некое подобие «портрета» мальчика.

И вот мы в группе. Ничего особенного, группа как группа, как в любом детском саду. Шли занятия по подготовке к школе. На «моего» мальчика мне указали сразу, и я сразу же стала в него пристально вглядываться. Мальчик показался мне симпатичным, но каким-то уж очень маленьким для своего возраста. Опять же, потом я уже узнала, что часто дети, растущие в домах ребенка и детских домах, кроме всего прочего, нередко недобирают физические

показатели роста, веса, развития. И совсем не потому, что их плохо кормят или поят. Их и кормят, и поят, и лечат, и учат, но для нормального развития детям нужны нормальные, то есть домашние, условия. Да и попадают они в детские дома часто тоже не из домашнего уюта и комфорта, и не в самой лучшей физической кондиции.

Меня уверили, что усыновители у них бывают, и довольно часто, но для того, чтобы не травмировать детей, если в группе показывается какая-то незнакомая тетя, им говорят, что она пришла отбирать детей в школу. Так-то так, но уверена, что все дети без исключения, что называется, интуицией чувствуют, зачем все же пришла эта тетя. И многие стараются показать себя получше. Вот и «мой» мальчик так старательно читал слоги, и выкладывал из букв слова, и вел себя как-то по-особому, как будто бы пытаюсь убедить меня в том, что он самый лучший. Я старалась никак не выделять его ни взглядом, ни действиями, просто сидела, но другие дети тоже напряженно поглядывали в мою сторону, словно пытаюсь угадать, с чем же я к ним пришла.

Я провела в этом детском доме довольно долгое время, вплоть до обеда и послеобеденного сна детей. Мне показалось, что на первый раз этого будет более чем достаточно. Мне не хотелось также слишком сильно обнадеживать ребенка своим длительным присутствием вместе с ним. Мы погуляли, поговорили, даже попили вместе чаек. Работники детского дома деликатно предоставили мне возможность пообщаться с ним вне группы, словом, сделали все для того, чтобы я смогла сделать свои выводы. Все это время меня не покидало тревожное чувство, в голове все стучало: «делай свой выбор». Но с первого раза, и я это хорошо понимала, сделать выбор невозможно, хотя бы оттого, что сама ситуация этого выбора, как правило, бывает крайне стрессовой как для ребенка, так и для потенциального усыновителя. Да и возраст показался мне не совсем таким, которого я ожидала – хотелось ребенка помладше, чтобы было еще время подготовить его как следует к школе. И тем не менее, этот мальчик сразу запал мне в сердце, и до сих пор я его частенько вспоминаю. Интересно, как сложилась его судьба? Кто знает, при других обстоятельствах, возможно, я и приняла бы решение сразу, а если бы позволила жизнь – наверняка усыновила бы обоих. Но в тот момент я, что называется, почувствовала себя не готовой и уехала домой, обуреваемая сложной гаммой чувств. Собственно, и работники детского дома не настаивали на скором принятии окончательного решения, понимая сложность ситуации, но, впрочем, просили с ним не затягивать. Я подумала, что мне надо встретиться и с другими детьми. Возможно, если бы на моем месте оказался кто-то более решительный, то мальчик был бы сразу определен. Но меня томило какое-то трудно

объяснимое предчувствие, возможно – предчувствие того, что «мой» ребенок меня еще ждет. Жизнь показала, что я была права.

Во втором детском доме, где я побывала, все было несколько иначе. Ребенка мне, что называется, «выдали» в гостевую комнату, красиво одетым, со всеми документами к изучению. Но тут я сразу поняла – это не мое дитя. Пообщалась я с ним недолго, но на сей раз по дороге домой меня мучили совсем другие сомнения и чувства. Я поняла, что если я начну перебирать большое количество кандидатур (которых, впрочем, и не было), то окончательно потеряюсь с выбором, и кто знает, встречу ли я наконец-то «моего ребенка». Возможно, для кого-то другого эта ситуация не представила бы большой сложности, хотя знаю, что через такие волнения проходят абсолютно все усыновители. Но в моем случае, что называется, отступить было некуда – я бросилась в усыновление, как в прорубь, знала, что обратной дороги нет, и ужасно переживала по этому поводу. Выбор был сделан, осталось лишь «немногое» – найти дитя. И запастись для этого, как я уже поняла, большим терпением.

...Мне помог не случай, а господь Бог. Протянул мне руку в виде женщины, которую я буду помнить и чтить до конца своих дней.

Я приехала в третий детдом уже в очень расстроенном состоянии. Ведь в усыновлении все очень сложно – берешь ребенка навсегда, как будто ты находишь свое потерянное дитя, и очень хочется, чтобы внутри что-то «зазвучало» при встрече с ним. Думаю, что совершенно безответственно и преступно поступают те усыновители, которые берут ребенка, не будучи уверенными в том, что он именно тот, к которому лежит душа и сердце, которого они готовы растить как своего собственного, со всеми его достоинствами и недостатками, а потом, по прошествии времени, убедившись в том, что это «не то» дитя, сдают обратно. Таких случаев, говорят, немного, но когда я об этом услышала, у меня, что называется, встали дыбом волосы. Такие люди – дважды, трижды преступники, потому что, дав ребенку надежду, которой он ждет всем своим существом, они еще раз предают его, еще более страшно, чем это происходит в первый раз. Так что, мой совет потенциальным усыновителям – не торопитесь с выбором, обдумайте все как следует, и тогда уже решайтесь, но отдавая себе отчет, что это решение будет окончательным.

Конечно, если берешь младенца, тут, видимо, проще – младенцы все очень трогательны, и выбор минимален, но и в этом случае необходимо подумать много раз, потому что последствия неправильного решения будут катастрофическими как для родителей, так и для дитяти. А может быть, подумалось мне, надо действовать, как выходят замуж Индии – заранее зная,

что это будет именно твой ребенок, «прикипеть» к нему душой?.. Кто знает. Видимо, у каждого это получается по-своему, но уверена, что обязательно должен прозвучать внутри тоненький звоночек – вот оно, мое! Пусть он поначалу будет очень слабенький, жизнь довершит начатое, но он обязательно должен зазвенеть.

Я разговаривала с директором, женщиной примерно моего возраста, совершенно замечательной и располагающей, и тут она возьми да и скажи: «Знаете что, вот смотрю я на Вас, разговариваю с Вами... Пойдемте, я покажу Вам Вашего ребенка!». У меня все обмерло внутри, и наступил такой момент, которых было совсем немного в моей жизни. Показалось – еще один шаг, и я либо в пропасти, либо на твердой почве, ощущение которой было основательно забыто за последний месяц.

Только потом, прокручивая в памяти кадры этой сцены, я оценила всю силу любви работников этого заведения к ребенку, силу желания найти для него родственную душу, в которой он так нуждался. Его по-настоящему подготовили к встрече со мной. Не говоря уже о том, что были готовы все документы и мне потом пришлось минимально побеспокоиться о недостающих, его красивенько одели, сделали модную прическу, словом – сделали все для того, чтобы он мне «глянулся» с первого раза. И это произошло! Мальчик ужасно застенялся (он и по сей день невероятно стеснительный и застенчивый в общении с незнакомыми людьми), все отворачивался, не давался даже, чтобы я взяла его на руки, но все равно, он был такой хорошенький! И такой «мой»! Я поняла сразу – что бы мне ни сказали об этом ребенке, оторваться от него я уже не смогу.

Мы тщательно обсудили и обыграли весь сценарий встречи. На первый раз я побыла с ним всего несколько минут, и мне не рекомендовали даже говорить, что приехала мама. Мы решили, что для того, чтобы забрать его домой окончательно, я должна еще некоторое время навещать его, исподволь подготавливать этот сложный перелом в его жизни, к которому он, вероятно, несмотря на огромное желание иметь маму, был в то время не готов. Так оно и получилось. От нашей первой встречи до отъезда домой прошло почти два месяца.

А уж дети, дети как разволновались! Все сбегались ко мне, окружили, кричат: «Мама, мама приехала», все подставляют свои головки и хотят, чтобы я их погладила. Конечно, я перегладила и переобнимала всех, кого только было можно, а в горле при этом стоял ком. Он и до сих пор стоит, и я не могу и сейчас говорить об этом без слез. Дети ждут маму, ждут днем и ночью, ждут и

верят всем своим неиспорченным еще детским сердечком, что мама обязательно их найдет! Ах, их бы мечты да, что называется, Богу в уши...

Потом уже нянечки в группе попросили меня, во-первых, не приезжать слишком часто, потому что после каждого визита мой будущий ребенок долго плакал и не мог прийти в себя. Во-вторых, меня попросили не заходить в группу и не будоражить детей своим присутствием, так что я его забирала, и мы гуляли, играли, кушали отдельно от всех остальных. Момент расставания и для меня, и для него каждый раз был более чем драматическим. Расставались оба в слезах, но была, для меня, по-крайней мере, в этих расставаниях и надежда.

После того, как я впервые встретила со своим ребенком, у меня произошел обстоятельный разговор с директором детского дома и специалистами-медиками. Мне рассказали абсолютно все о том, как он оказался сиротой (при живых родителях), показали материалы дела о лишении его биологических родителей родительских прав, подробно описали состояние его здоровья. Что и говорить, проблемы у нас были. Мальчик с младенчества часто болел обструктивными бронхитами, да и с речью у него было не все в порядке – говорил он крайне неважно для своих трех с лишним лет. И однако, меня убедили в том, что с этими диагнозами можно бороться, и я положила на опыт и мудрость специалистов. В том, что касается бронхитов и задыхания, могу сказать следующее – последний бронхит, которым он переболел, был тот, с которым я его забирала из детского дома. И кто после этого может возразить против значения психосоматического фактора? У меня есть полное ощущение того, что не только инфекция «душила» моего ребенка, но более того – он задышался оттого, что хотел так многое поведать кому-то, кого рядом с ним не оказалось. Его душили страхи, огорчения, отсутствие полноценной любви и ласки, которые ребенок может получить только в семье. Конечно, он и сейчас, как и многие дети, частенько болеет, и вообще, ребенок мой не из здоровяков, но задыханий у нас уже нет, да и выздоравливаем мы относительно быстро. Разумеется, я всеми силами стараюсь создать ему тот разумный режим, при котором ребенок бы развивался и креп не только физически, но и психологически.

А вот с речью потом пришлось поработать серьезно и длительно. Сейчас, под влиянием вопросов, которые мне задают («и как Вы решились, ведь ситуация была совсем не ясна»), я думаю, что вновь положила на опыт медперсонала детского дома. Я обстоятельно разговаривала с логопедом, работавшим с этими детьми, и она многое мне объяснила и, в целом, убедила в том, что многие дети, которые живут в детских домах с младенчества и, соответственно, недостаточно слышат речь склонившейся над ними матери

(вспомним, как в наших теперешних немногодетных семьях, если в них появляется долгожданный ребенок, вокруг него кругами ходят и родители, и счастливые бабушки с дедушками, и тети с дядями, и все «агушечки» да «агушечки», а тут какие уж агушечки, успеть бы всех накормить, помыть, перепеленать), не разговаривают в том числе и в силу того, что в них не выработана потребность общаться посредством речи. Специалисты много над этим работают, но живого общения не заменить ничем. Действительно, во время наших первых прогулок мы все больше молчали, и только потом, с течением времени, стали разговаривать все больше и больше. Я не умолкала, объясняя ему каждую деталь того, что мы видели вокруг, и уже вскоре моего ребенка, что называется, «прорвало». Он и сейчас болтает без умолку, хотя некоторые логопедические проблемы остались по сей день.

Так что, ребенок мне достался, что называется, «не идеальный», но я этого совсем и не ждала, будучи готовой к долгой и кропотливой работе. А что, подумала я, разве в каждой семье рождается идеально здоровое и беспроблемное дитя? Разумеется, нет, и это меня утешило. Значит, у меня появился такой ребенок, который требует повышенного внимания, и с этим мы будем жить и работать. Но это – в высшей степени благодарная работа. Я уверена в том, что ни одно даже самое малое усилие, которое вложено в ребенка, не проходит безрезультатно. Дети – самые благодарные в мире пациенты и респонденты. Не говоря уже о результатах, которые бесконечно радуют, неопишима цена благодарности, которую высказывает тебе ребенок всем своим существом. Перед этой благодарностью меркнет все на свете, потому что не может быть ничего дороже, чем радостные глаза ребенка, которому ты помог и который тебе поверил.

И вот я начала свои поездки для встреч с ребенком. Как я уже писала, мне «выдавали» его на пару часов, и мы проводили время как могли, в соответствии с погодой и настроением, чаще всего прогуливаясь вдоль нешумных улиц того провинциального городка, где он тогда жил. Невозможно описать словами нашу обоюдную радость при встречах, когда ему говорили в группе: «Смотри, твоя мама приехала!», и он, расталкивая всех остальных претендентов на маму, мчался ко мне стрелой, маленький, ушастый ежик с глазками, полными восторга. Он сразу принял меня за маму и очень ревностно потом следил за тем, чтобы никто больше ко мне из детей не подходил («это моя мама!»). Шла весна, по-прежнему не очень щедрая на тепло, но постепенно и она взяла свое. Правда,

впервые я решилась снять с него куртку и колготки только в июне, когда я окончательно забрала его домой, уж очень страшно было застудить, тем более, что я забирала его после болезни.

Прогулки наши тоже были очень интересными, хотя ничего, казалось бы, такого особенного в них не было. Но это для меня, а для него, как я поняла, впервые раскрылся совершенно необъятный и не вполне понятный, пугающий мир. Это тоже трудно себе представить тому, кто воспитывает ребенка в семье. Ведь к трем с половиной годам современный «домашний» ребенок нередко уже и читает, и считает, и знает не понаслышке о том, что происходит в жизни. Ребенок, который растет в детском доме – и в этом еще одна его трагедия – оторван от жизни совершенно, он почти не представляет себе (разве что видел на картинках в книгах) о том, что бывают и машины, и собачки с котиками, и дорога, и многое другое из того, что должно составлять повседневный мир ребенка. Мы начинали практически «с нуля»: пугались большого открытого пространства, машин, с настороженностью относились к людям, а уж о том, чтобы читать или считать, я тогда и помыслить не могла! Мальчику надо было объяснять все с самого начала: «вот деревья, а вот собачка пробежала, машина проехала, а вот автобус», и т.д. Он, в свою очередь, был какой-то заторможенный, реагировал на окружающих с большой настороженностью, особенно поначалу. Но меня вдохновляла детская ручка, доверчиво лежащая в моей руке, и я надеялась, что все у нас со временем будет хорошо.

Первая попытка поездки в общественном транспорте (и это в три с половиной-то года!) и вовсе закончилась истерикой. Мы проехали одну остановку в автобусе и с позором вышли – народ, как всегда в провинциальных городах, стал поглядывать очень недоверчиво на истерику ребенка на руках у женщины. Мы много ходили вдоль улиц, смотрели на машины, автобусы, мотоциклы, говорили, какого они цвета, большие они или маленькие. Интересно, что уже тут проявились (и откуда они только берутся у мальчишек) наши автомобильные пристрастия, не прекращающиеся до сих пор. Еще мы заинтересовались котиками и собачками, с которыми также ладим и по сей день. Я очень оценила также то, что он с первых же встреч проявил огромный интерес к книжкам. В один из приездов я привезла ему книжку для малышей (кажется, это был «Колобок»), он немедленно схватил ее у меня и не выпускал из рук всю прогулку. Потом, уже сидя в группе, внимательнейшим образом ее рассматривал. Я поняла еще одно – ребенку обязательно нужно иметь что-то свое, то, чем он может распоряжаться только сам, и больше никто. А ведь в общей группе это невозможно... Так получилось и с нашим теперь уже семейным мишкой, которого мы оба очень любим. Его я привезла в один из

самых первых приездов, так советовала психолог – привезти ребенку что-то памятное, что и во время моего отсутствия напоминало бы ему обо мне. Этот мишка все время «жил» у него на кровати, и нянечки говорили мне, что все попытки забрать его хоть на какое-то время заканчивались неизменными слезами. Миша и по сей день живет у нас дома, стираный-перестиранный, любимый-прелюбимый, и мы часто вместе вспоминаем о том, как я приехала и привезла его мальчику, и как он ждал маму.

Постепенно, от раза к разу, ребенок все больше «оттаивал», проявлялся, хотя и в очень общих чертах, оставаясь при этом ужасно скованным. Уже теперь я понимаю, что он тогда просто всего очень боялся, в том числе и меня, хотя ему очень хотелось проникнуться ко мне доверием. Но не так-то сразу это все получается, если представить себе, какую психологическую травму он получил и в каком постоянном стрессе жил все три года своей маленькой жизни. Психолог говорила нам, что у таких детей, в противоположность тем, кто рождается и живет дома, вырабатывается чувство базового недоверия к жизни, это правда, и даже с течением времени его трудно переломить. Может быть, это отчасти и хорошо – в нашем тревожном мире, к сожалению, надо воспитывать в детях осторожность, но ситуацию, в которой ребенок с недоверием относится буквально ко всему, представить себе обычному человеку сложно. А я с этим столкнулась с самого начала, и продолжаю иметь с этим дело до сих пор.

Уже в это время я стала его фотографировать (поначалу он тоже боялся и стеснялся, закрывался рукой, у нас и снимки такие остались), вновь по совету психолога. Конечно, попутно сразу же оформился один из наиболее сложных для многих усыновителей вопросов: говорить или не говорить ребенку о том, что он взят из детдома, как говорить, когда это делать. Я в данном случае вновь положила на мнение специалистов, и еще на свое горячее убеждение – ребенку нельзя лгать и невозможно солгать, все равно он поймет и почувствует это. Ребенку, как и взрослому (а может быть даже еще в большей мере) просто жизненно необходимо говорить всю правду до конца, честно и открыто. Кроме того, подумала я, ведь я забираю его уже не младенцем. У нас нет его ранних фотографий. Карточка в поликлинике тоже заведена не с младенчества. Я не делала из своего решения тайны для окружающих, что также было бы немислимо, и все равно были курьезные случаи, когда я объявляла о том, что у меня трехлетний сын и люди, давно меня знавшие и постоянно видевшие, сразу автоматически начинали прикидывать, как это они пропустили меня с животом и как я продолжала работать «в своем положении», особенно учитывая мой возраст. Словом, все вело к тому, что тайны не получится ни от кого из окружающих, и уж тем более от ребенка. Не думаю, что он сознательно помнит

о том, что с ним произошло в раннем детстве, тем более, что детская память «заплывчива» и отторгает все плохое, но абсолютно несомненно то, что глубочайшая, бездонная травма навсегда поселилась в его сознании и подсознании. С этим нам с ним придется еще ох как много работать, конца и края этой работе не видно! Но начинать ее все же надо, и чем раньше, тем лучше. В детстве ребенок с удивительной ему оптимистической настроенностью воспринимает все свои истории исключительно с точки зрения позитивного конца, и это момент важно не упустить. Многие говорят о том, что в подростковом возрасте все проходит значительно сложнее, а нередко даже заканчивается драмами.

Раз уж зашла речь об этом чрезвычайно сложном и деликатном, совершенно особом элементе общения с усыновленными детьми, хочу поделиться своим опытом. Понятно, он не универсален и не является абсолютным примером для подражания – все ситуации разные, так же, как и сами дети, но я долго к этому готовилась и продолжаю прорабатывать ситуацию и далее, в ожидании все новых и новых вопросов со стороны ребенка. Некоторые из них уже последовали. Например, как только мы стали разбираться в физиологических деталях организма – сначала по энциклопедии, а потом уже в реальности – и ребенок обнаружил тетю с животом, он сразу же спросил меня, с огромной надеждой в глазах, лежал ли он у меня в животике. Ему так хотелось бы, чтобы это было так! Тут мне пришлось собраться с духом и разочаровать его, сказав, что в животике его носила и родила другая тетя. Дальше – больше, ребенок ведь не останавливается с вопросами до тех пор, пока не выяснит все, что ему необходимо. Дальше мы долго рассуждали на тему о том, что бывают тети, которые не хотят быть мамами, но бывают и совсем другие. И что я долго грустила без сыночка, а потом его нашла, и как тетя мне его показала, и как я привезла ему мишку, и т.л., вплоть до того времени, как мы приехали домой на красной машине, и все встало на свои места. Ребенка, как мне кажется, во всей этой истории больше всего интересует «хэппи энд», позитивный финал в духе «и потом они жили долго и счастливо», а все остальное, плохое, можно и забыть. В это трудно поверить, но история эта стала нашей любимой сказкой, которую он часто просит меня рассказать ему перед сном. Самая радостная мысль, которая его согревает – это мысль о том, что он «самый большой в моей жизни подарочек». Это были мои слова, которые он воспринял с огромным удовольствием. Для него это значит, что он хороший, и более того – самый лучший для своей мамы, и это для него главное. Одна из психологических особенностей ребенка заключается в том, что во всех неурядицах, которые происходят с ним и около него, он всегда винит себя.

Самый страшный, на мой взгляд, комплекс, который может вынести ребенок из ситуации, в которой его оставляют в детдоме – мысль о том, что это получилось из-за того, что он был плохой, или вел себя плохо, или болел, и его оставили. Детей, кстати, частенько оставляют именно в больницах – не просто обездоленных, но к тому же еще и больных. Кроме того, ясно, что в сознании и подсознании детей, которых оставили, существует определенный разрыв, провал. Им важно потом, что называется, «связать концы с концами», установить последовательность событий, объяснить себе, хотя бы на уровне своего сознания, причины, по которым это с ними произошло. Если этого не случается, ребенок чувствует себя неуверенно, неразрешенные вопросы не дают ему спокойно жить. Конечно, с течением времени взамен одних вопросов появляются другие, но, тем не менее, если они существуют, их обязательно необходимо прорабатывать по мере их возникновения.

Конечно, нам предстоит пройти еще долгий и нелегкий путь, двигаясь постепенно к истинному пониманию того, что с ним произошло и причин случившегося. Что и говорить – жизнь моего ребенка началась при экстраординарных обстоятельствах, и этого уже никогда не скрыть, не забыть и не вычеркнуть. Травма, которую он получил в детстве, останется с нами навсегда, но с этим уж ничего не поделаешь. Мне надо будет еще объяснить ему, а ему понять, почему же получается так, что мамы не хотят растить своих детей и как так получается, что ребенок из-за этого должен страдать. Но я думаю, что постепенно в нашей истории многое уляжется и станет понятным и приемлемым. Ведь самое главное – это то, что мы с ним наконец-то нашли и никогда уже не расстанемся. А фотографии, которые я стала делать буквально в следующий же после моего знакомства с ребенком приезд и потом поместила в отдельный альбом, мы сейчас очень любим рассматривать. Это – важная часть нашей необыкновенной семейной истории, ее начало и продолжение. На фотографиях я запечатлела и здание, и персонал, и наши прогулки, и отъезд домой. Многого из того, что происходило почти три года тому назад, он уже не помнит, но важно, что память об этих событиях сохранена и при случае к ним можно было вернуться.

К перспективе поездки домой я готовила своего ребенка очень постепенно, понимая, что пока настоящим домом для него является детский дом. Как бы ему там ни было грустно, но все-таки это пока единственное для него место, где он жил столько, сколько себя помнит. Гуляя, мы видели много домов, и я

объясняла ему, что в этих домах живут дети со своими родителями, и скоро мы с ним тоже уедем, и будем жить дома. Вокруг темы отъезда домой вращались, по существу, все наши с ним разговоры. И собачки, гулявшие по улице, и котики, и дети после школы – все возвращались домой. Представляю себе, как хотел мой ребенок домой, и как одновременно страшился этого. Ведь маму, хоть и желанную, он приобрел только что, а своего предполагаемого дома вообще никогда не видел. Думаю, весь двухмесячный период, пока я ездила его навещать и одновременно оформляла бумаги для суда, стал большим испытанием и для меня, и для него.

И вот бумаги оформлены и я подала их в суд. Так получилось, что этот день был днем моего рождения, так что я, беседа с судьей о предстоящем судебном заседании, подумала о том, что такого подарка я еще никогда не получала. Поистине, это был подарок судьбы. Судебное заседание прошло в спокойном и позитивном ключе, но я очень волновалась, слезы стояли в горле, и мне с большим трудом удавалось сдерживать себя. Судья отнеслась к ситуации очень деликатно, давая мне возможность время от времени «продышаться» и успокоиться. И вот, наконец, зачитывается постановление, в соответствии с которым мой ребенок окончательно становится моим сыном. Я готова была забрать его хоть в тот же миг, но в соответствии с законом необходимо было подождать еще десять дней, поэтому я уехала в командировку и за ребенком приехала только в начале июня.

Этот день также никогда не изгладится из моей памяти. Я попросила съездить со мной за ребенком мою куму – для поддержки и еще потому, что у нее была машина. Я отнюдь не была уверена в том, как ребенок выдержит длительный путь до Минска, учитывая наш предыдущий весьма неудачный опыт поездки в общественном транспорте.

День выдался неплохой, один из первых, похожих на летний, и я постаралась взять с собой одежду для ребенка, соответствующую ситуации. Мы договорились заранее с работниками детдома, что мальчика будут готовить к мысли о том, что уже очень скоро он уедет с мамой домой. Когда мы прибыли на место, меня огорчили, сказав, что мальчик мой несколько дней тому назад заболел и в данный момент пока на процедурах. Бедное мое дитя! Он так волновался по поводу предстоящего события, что не выдержал и вновь стал кашлять и задыхаться. Моя кума, мать моей крестной дочери, молодая еще женщина, была потрясена тем, что она увидела, хотя я уже, кажется, ко всему

здесь привыкла и все воспринимала как должное. Особенно ее впечатлил большой вольер для младенцев в группе грудничков, в котором лежало несколько младенцев, каждый из которых был предоставлен сам себе, и почти все они усиленно сосали палец. Вспоминаю, кстати, одну из деталей – во время моего очередного визита к ребенку мы гуляли вокруг здания, и тут к черному входу подъехала машина медицинской помощи. «Ну вот, – сказали нянечки, гулявшие с детьми на площадке, – еще одного аист принес...».

Я привезла мальчику большой красный надувной шар для того, чтобы создать настроение праздника, и кое-какую еду. Мы сидели в кабинете, обсуждая последние важные детали, и вдруг стремительно распахнулась дверь и в кабинет ворвался мой малыш – личико бледное, уши торчком, но в глазах огромное ожидание. «Сына, – сказала я ему, – куда мы с тобой сейчас поедим?» И мое дитя не просто сказало, но выдохнуло всем своим существом: «Домой!» Мы все едва не прослезились, потому что момент был на редкость волнующий.

Пока я меняла ребенку одежду (всю казенную одежду необходимо оставить на месте), я дала ему пакетик с соком. Это стало для нас настоящим испытанием. Оказалось, что ребенок не знает, что это такое и как с ним обращаться. Сок был разлит, ребенок расстроился, мы подхватили свои вещи и, под многократные прощания и пожелания нам счастья и успехов, уехали. Дорога домой была относительно недолгой, но весь путь мое дитя просидело в ужасном напряжении. Мне пришлось время от времени поглаживать его по спинке и успокаивать, да и созерцание всего того интересного, что он увидел из окна машины, скорее всего, впервые в жизни, несколько отвлекало от мыслей, но все мы думали, конечно, о том моменте, когда переступим порог дома.

Наконец мы приехали!

Конечно, к появлению ребенка в семье и его размещению мы с мамой готовились заранее. К счастью, наша жилплощадь позволила выделить ему отдельную комнату, и я сделала все возможное, чтобы ее оборудовать хотя бы, что называется, на первый случай. Пришлось также, что называется, «с нуля» и к тому же не обладая никаким опытом, покупать одежду, обувь, игрушки и книжки. Спасибо моим многочисленным знакомым и друзьям, которые очень поддерживали меня и словом, и делом. Некоторые принесли остававшиеся от своих собственных, уже выросших детей и игрушки, и книги, и мультики на видеокассетах, и кое-что из необходимой одежды. И все равно, пока мы не прожили некоторое время и не стало понятно, что же именно нужно, пришлось

покупать много всего дополнительно, и часть вещей, как потом оказалось, была лишней.

«Лишней», как это ни парадоксально, долгое время была и сама отдельная комната. Только сейчас, по прошествии трех лет, мой ребенок стал потихонечку осваивать свое личное пространство, он уже нередко, увлекшись игрой, слушанием дисков со сказками, рисованием или еще каким-то интересным занятием, может остаться один в своей комнате, в то время как я или бабушка находимся в другой. Но и сейчас время от времени он кричит: «Мама, ты где?», «мама, я тебя не слышу», чтобы убедиться, что я где-то рядом. Очень не любит, когда меня нет поблизости, а уж о том, чтобы оставить его дома одного, и речи нет, хотя иные дети в его возрасте (почти школьник!) запросто остаются одни дома. До такой самостоятельности, к сожалению, нам еще расти и расти. Я в связи с этим должна на долгое время не только отменить свои выезды в командировки, но и просто сократить до минимума время пребывания вне дома. Иные скажут, что нельзя так ребенка баловать, нужно приучаться быть одному, быть самостоятельным, обходиться без мамы. Это правда. Но как я могу отказать в своем присутствии ребенку, который только что обрел мать и не мыслит своей жизни без нее (конечно, он мне уже заявил, что когда он вырастет, он женится только на мне)!

Корни этой боязни остаться одному гораздо глубже, чем только каприз или инфантильность. Он ужасно боится, что его оставят (а вы говорите, что он все «забыл!»), хотя и знает, что его оставила не я, а другая тётя, и оставила с «благородной» целью – для того, чтобы его нашла наконец настоящая мама. Такова наша версия случившегося, которую я максимально поворачиваю в позитивную сторону. И тем не менее, страх быть оставленным мамой – тем более мамой, которую он полюбил и без которой не мыслит своего существования – сидит в нем очень глубоко и должно, видимо, пройти большое время, чтобы этот страх исчез, если это вообще возможно. Через год после того, как он у нас появился, мы попали в детскую больницу. Как он кричал и не хотел туда ехать! Теперь понимаю – боялся, что его отвезут и оставят. Когда мы выписывались и я, уже одетая в городскую одежду, выписывала документы, он подкараулил меня в углу и спросил: «Мама, а меня здесь оставят?..» У меня прямо сердце заледенело. И потом, когда он стоял с бабушкой в вестибюле, а я вышла на улицу ловить такси, ребенок кричал в голос: «Где моя мама, почему она меня оставила!». Вот так. Через год попробовала на два дня уехать в Москву. Мама говорит, что все эти два дня он провалялся под креслом и постоянно спрашивал, где мама и почему она его оставила. А на второй день не выдержал, сел в угол, поджал ноги и тихо плакал. Недавно, засыпая, уже в

полусне бормотал: «Мама, когда я вырасту и стану взрослым, ты меня не оставишь?..» Конечно, какие уж там командировки или светские мероприятия – душа и сердце рвутся домой, к дитяти, которое одно только на этом свете (и еще, конечно, мама) ждет меня каждую минуту своей жизни. Так чувствуют себя дети, которые в детстве пережили трагедию расставания, не важно, в каком возрасте. Думаю, ни с одним обычным ребенком ничего подобного не происходит.

В туалет и в ванную комнату он до сих пор также не любит ходить один, особенно в темноте, и категорически, с плачем и воем, как бы я его ни уговаривала, не может один зайти в темную комнату. Я вновь не настаиваю, понимаю, что и здесь нечто большее, чем каприз или даже обычный страх. Мальчик, особенно на первых порах, смертельно боялся нового для него, незнакомого пространства, да и сейчас он к новому месту относится с глубоким недоверием. А темнота – это особая, изначальная область страшного для всех, не только для детей. Мы делали совместные экскурсии в темные комнаты, с объяснениями, что там никто кроме нас не живет, но что-то нас это пока не убеждает. И конечно, непременным условием при посещении таких мест является наличие мамы рядом. Так что, мы до сих пор торжественно отправляемся какать вдвоем, и не только дома.

Сегодня, окинув взором наши первые дни, недели и месяцы, могу сказать, что они были не менее сложными, чем те, которые предшествовали нашему приезду домой. К счастью, я могла посвятить ситуации все свое время и силы, потому что у меня как раз наступили летние каникулы. Тем, кто собирается взять ребенка домой, хочу дать еще один важный совет – не экономьте на этих первых днях! Рассчитывайте свое время так, чтобы взять отпуск, или освободиться еще каким-либо образом, но абсолютно необходимо посвятить первые хотя бы несколько недель, а то и месяцев ребенку и только ребенку, и налаживанию ваших взаимоотношений – задача, которая и для ребенка, и для вас на первых порах потребует максимальной сосредоточенности и отдачи времени и сил.

Первой, и главной сложностью было не столько даже свыкнуться с мыслью о том, что у меня появился ребенок и в связи с этим жизнь необходимо полностью перестроить. По-видимому, это вообще не происходит в одночасье, а становится результатом длительного времени: должно пройти много недель и месяцев, прежде чем ты понимаешь, что в твоей жизни произошли коренные

изменения и жить как раньше ты уже никогда не будешь. Самым первым ощущением был шок, настоящий шок оттого, что перед тобой сидит дитя, которое требует всего тебя, с головы до ног. Для того, кто привык посвящать все свое время исключительно себе (а с возрастом эта привычка, как известно, становится все сильнее), появление в семье ее главного, как вы уже очень скоро начинаете понимать, члена ломает все прежние установки, и процесс этой ломки оказывается на первых порах весьма болезненным. Возникает настоящая паника: «Что я наделала!», и одновременно понимаешь, что это уже навсегда, обратной дороги нет.

Но, к счастью, заикливаться на этом состоянии у меня совершенно не было ни времени, ни сил, поскольку ребенок был передо мной и требовал всего того, что требует ребенок. Его надо было хорошо кормить, при том, что он вообще отказывался кушать, сажать на горшок, водить гулять на улицу, укладывать спать, мыть ему попу, читать и рассказывать, рассказывать, рассказывать... Я никогда так много не говорила, как в то памятное лето. Пропасть, отделяющая моего ребенка от нормальной жизни, стала особенно очевидной. Мы в полном смысле слова начинали жить сначала. У меня сохранились фотографии этого первого нашего совместного лета, где мой малыш сидит с сосредоточенным, серьезным взглядом, а на ногах – сплошные синяки. Он, как мне казалось, не умел даже как следует координировать свои движения в пространстве, постоянно на что-то натыкался, падал, бесконечно бился ногами, руками и головой обо все углы, совсем как годовалый малыш, только что вставший на ноги. Но нам-то было уже три с половиной года! И он по-прежнему молчал, молчал, молчал. Даже то, что мог сказать, не говорил – понимал, что говорит плохо, и стеснялся. Мы выходили гулять на детскую площадку, и на вопросы мам и бабушек, которые всегда задаются в таких случаях, о том, сколько моему мальчику лет, я сознательно убавляла ему год, вместо трех говорила два, а сама с обливающимся кровью сердцем следила взором за трехлетними детьми, которые уверенно разговаривали на разные темы, ездили на велосипеде, строили в песке замысловатые сооружения, и вообще – вели себя свободно и раскованно. Порой даже чересчур, на мой взгляд.

Боже мой, казалось мне в тот момент, мы никогда не достигнем таких высот. Как жаль мне было моего малыша, который неумело, с сосредоточенным видом пытался копнуть что-то в песочнице. Думалось о тех обстоятельствах, которые замедлили его осознание жизни, к которому, однако, он стремился всеми силами, и это сразу стало очень заметно. Он молчал, но было видно, что информация впитывается в него, как в губку. Кроме того, у него заработали с какой-то особой обостренностью все органы чувств. До сих пор у моего сына,

что называется, не только абсолютный слух, но такой же нюх и «глаз». На это я только и возлагала надежды – на его сразу же проявившуюся какую-то неумную, но вполне объяснимую в наших обстоятельствах любознательность и жажду познания жизни, как будто у него для этого впервые открылись все мыслимые каналы восприятия. Ему пришлось объяснять все с самого начала, а хотелось ему знать абсолютно обо всем, так что я по-прежнему не закрывала рта, усердно объясняя моему дитяти, что есть что. И это в три с половиной года, когда иные дети уже звонят по мобильному телефону! А уж «пасти» мне его пришлось, как мамы не пасут никогда детей такого возраста, и не спускать глаз ни на секунду: он, например, с трудом мог залезть на горку, хотя очень хотел и настойчиво на нее лез, потом с нее падал, разбивал колено и плакал так горько, что, казалось, небеса должны были разверзнуться от его плача. Бедное, бедное мое дитя!

...В общем, про покой и лежание на диване мне пришлось забыть раз и навсегда.

Еще из шоковых впечатлений первых дней. Трехлетний ребенок подходит к зеркалу, долго в него смотрится и спрашивает: «А кто это?..» Почти полгода мой сын называл себя в третьем лице: «он» (своего имени в ту пору он вообще не выговаривал). Так что, еще один из вполне прогнозируемых, но сложно поддающихся осмыслению здравым рассудком результатов длительного пребывания в массе – полное отсутствие какого бы то ни было осознания самого себя, своей личности, своего пространства. Как следствие, мы имеем на сегодняшний день большую проблему самооценки. Она у нас не просто занижена, но, как мне иногда от отчаяния кажется, вообще находится где-то на нуле. Ребенок с детства не чувствовал себя самим собой, не осознавал себя как самостоятельную человеческую личность, способную на проявление своих эмоций, своего мнения, могущую иметь свою точку зрения и отстаивать ее.

Этот порок личности меня очень беспокоит, потому что у меня растет мальчишка, который должен быть боевым и обладать активной позицией. Увы! Его может обидеть каждый, даже малыш, и он в ответ на обиду будет только глотать слезы. Отпор давать мы можем только на словах. На мой вопрос о том, почему он не может дать сдачи или среагировать адекватно ситуации (вырвали игрушку из рук, так надо таким же образом ее вернуть), мой ребенок долго не хотел отвечать, и наконец как-то все же сказал: «Я боюсь!» Выяснилось, боится, что воспитательница позовет милиционеров, и они заберут его в тюрьму. Ну и

что ты с этим поделаешь! И вместе с тем, в играх – сплошные драки, битвы и сражения. Мальчик ни во что больше до недавнего времени просто не играл. При том, что сам он не способен дать даже минимальный отпор обидчику, в играх он все эти сценарии основательно «проигрывает». В играх он – герой и рыцарь, дома ходит обвешанный мечами и щитами. К сожалению, в жизнь это пока воплощается мало. Кто знает, когда он сможет наконец-то развернуться к обидчику лицом и дать ему достойный отпор, а не глотать бесконечно слезы обиды и унижения. Но то, что мой ребенок навсегда останется на всю жизнь гиперчувствительным на малейшую обиду, это я знаю точно. И это при том, что он в поведении на удивление не агрессивен, дружелюбен, открыт. Ему так хочется со всеми дружить! К сожалению, жизнь может нам в этом смысле предложить не слишком много хорошего. Дети наши, увы, жестоки начиная уже с детского сада. Грубости в них гораздо больше, чем сострадания и участия. Конечно, чаще всего они копируют слова и поведение родителей, и детская грубость – оборотная сторона всеобщей грубости взрослых, которая охватывает все наше общество, за очень редкими исключениями. Вот лишь одно наблюдение: мой открытый и доверчивый «лопушок» приходит в группу и говорит: «Андрей, давай сегодня с тобой дружить». В ответ: «Пошел отсюда, козел...» У меня самой до сих пор в таких ситуациях первая реакция – слезы на глазах. Наверное, с черепашью панцирем не всем суждено родиться, а выработка нормального, вежливого тона общения людей друг с другом – задача, которую должен решать отнюдь не детский сад.

В такой же мере, как мой ребенок не умел осознавать и адекватно оценивать открытое пространство, он не мог воспринимать и время. Прошло уже три года, и только сейчас мы начинаем хоть как-то понимать, что это такое, учимся делить временной поток и устанавливать последовательность хода времени. Вряд ли при других обстоятельствах шестилетний ребенок будет время от времени спрашивать: «Мама, сейчас день?» Или путать утро и вечер. Думаю, что это также имеет глубокие корни, уходящие в раннее детство, проведенное в таких условиях, где и пространство, и время воспринимались неосознанно по той причине, что ни одного, ни другого в их жизни просто не было. Пространство ограничивалось общей комнатой и спальней в помещении, да еще игровой площадкой на улице. О боязни пространства и неумении в нем ориентироваться я уже писала. То же самое – со временем. Время в детском доме остановившееся, не имеющее ни начала, ни конца, потому что в жизни нет никаких заметных событий, которые могли бы отмечать его в детском сознании. Изю дня в день одно и то же, поэтому что вечер, что утро, что весна, что осень – все на один манер, все одно и то же, разве что одежду сменяют. Обедненность

событиями и происшествиями для детей, живущих в детских домах, поистине катастрофична. И не только потому, что дети не видят жизни и не развиваются, но еще и по причине того, что они плохо понимают, что с ними происходит вообще. Думаю, что по этой причине у нас будут проблемы с математикой – до сих пор нам сложно членить пространство и воспринимать его в абстрактных величинах количества и качества. На первых порах, видимо, этот фактор его вообще не интересовал, а сейчас, как я понимаю, придется нагонять вдвойне.

Еще раз хочу вернуться к той огромной проблеме, которая беспокоит нас постоянно и о некоторых аспектах которой я уже написала: страх. Боязнь всего и вся. Страх потерять маму. Боязнь проявить своё «я». Неумение дать отпор обидчику. В целом, восприятие всего, что с ним происходит, в модусе тревожного ожидания. Еще бы, думаю я сейчас. Ребенка сначала оторвали от матери, а потом – от нелюбимого, но тем не менее привычного ему обихода и увезли куда-то, где, кто знает, не сделают ли ему опять плохо? И чего ожидать от этих двух тетей, которые, кажется, и любят его, но страшно в это поверить. И все вокруг чужое, и все чужие. С дистанции времени могу сказать, что подлинная любовь и доверие ребенка приходят в таких случаях гораздо, гораздо позже. А корни вновь в том, что с ним случилось в младенчестве и том, как он смог это пережить. Пока, честно говоря, никак не смог, или смог очень плохо. Некоторые люди говорят мне иногда, что он был маленький и не помнит того, что с ним произошло, а сейчас, мол, все уже хорошо и ребенок тоже должен стать «нормальным», таким, как все. Это, к сожалению, огромное заблуждение, которое питают люди по неведению. Помнить, может быть, и не помнит, но я представляю себе, как тяжело он пережил отрыв от своей биологической матери и в физическом, и в психологическом смысле. Этого разлома, боюсь, ему никогда уже не суждено преодолеть, он сидит глубоко в подсознании и потребуется действительно огромная работа, чтобы как-то сгладить этот рубец. А что касается «пережить и забыть», то ведь и мы, взрослые, тяжело переживаем сложные события своей жизни, и хотя у нас есть и разум, и интеллект, и нервная система давно устоялась, и все же пережитое может будоражить годами. А что уж говорить о малюсеньком ребеночке, который весь, кажется, – одна большая обнаженная душа, полнящаяся всей суммой впечатлений, которые к ней поступают. Уверена, он чувствует и ощущает во много крат больше, чем взрослый, у которого есть уже определенные защитные барьеры, и переживает происходящее гораздо глубже и активнее. К сожалению,

мой ребенок запуган. Возможно, как я уже писала, это может стать положительным качеством, поскольку в нашем современном мире есть много такого, чего надо бояться изначально, к нашему великому сожалению. Например, вступать в контакт с незнакомыми людьми, или брать в руки незнакомые предметы, и т.д. Но вместе с тем, боюсь, что запуганность мешает ему свободно двигаться по жизни, воспринимать ее во всем ее многообразии, принимать решения на основании страха, но не разума. Проблемы, проблемы...

Мы до сих пор катастрофически боимся и темноты, и чужих людей, и непредвиденных ситуаций, повышенного голоса, незнакомого места. Вот уже, казалось бы, он научился, наконец, доверять маме и бабушке, но и сейчас остается ужасно недоверчивым ко всему остальному миру, и ожидает непременно только плохого. С этим катастрофическим мышлением мне тоже придется еще очень долго возиться, если мы вообще когда-нибудь сможем перебороть это отсутствие доверия к жизни. Если тетя говорит громким голосом, значит, она непременно злая. Машина обязательно попадет в аварию, а самолет разобьется. В дом придут бандиты и всех убьют, а сам дом сгорит в пожаре – эти и подобные им сценарии мы упорно проговариваем до сих пор. А поначалу ребенок боялся, страшно подумать, абсолютно всего! И нового незнакомого дома (а вдруг там, в другой комнате, кто-то страшный!), и нас с мамой (непонятно, как себя поведут в следующий момент), и новых, неизвестных предметов. Я и сейчас вижу, как он каменеет и напрягается при встрече с чем-то неизвестным, хотя в целом ребенок стал гораздо более раскованным и общительным. Мы до сих боимся страшных сказок. И даже те из них, в которых, казалось бы, на наш взгляд нет ничего такого особенного, повергают его в ужас. Вот где, кстати, лакмусовая бумажка, которая позволяет отличить подлинную гуманность ребенка от поросшего мохом, «закаленного» сердца взрослого. Ну ладно там, сказка братьев Grimm про Гензеля и Гретель, которую я ему по недомыслию моему прочла и которая его ужаснула, потому что родители отвели детей в темный лес и сознательно их там оставили! Черт меня дернул ее ему читать, эту сказку. Но вдруг я поймала себя на мысли, или вернее сказать – вопросе. И стала в тупик. Как объяснить ребенку наличие жестокости в мире? Его, например, повергла в абсолютный ужас догадка о том, что для того, чтобы съесть кусок мяса, надо убить животное (а к животным, надо сказать, как и в целом ко всему живому, он относится с какой-то особенной трепетностью). Почему человек вообще должен или, что еще страшнее, имеет потребность убивать живое, вообще – проявлять жестокость? Не является ли в этом смысле ребенок высшим мериллом гуманности и справедливости в нашем жестоком

мире?.. А детские глаза – океанами доброты и милосердия. И где та невидимая грань, перейдя которую – не без помощи взрослых – ребенок с его душой, открытой всему миру, превращается в злобное чудовище, бесчувственное к страданиям ближних?..

...Но вернемся к будням. Настоящим откровением стала для моего мальчика первая встреча с кухней. Процесс приготовления пищи был для нас некоторое время самым любимым зрелищем, не говоря уже о том, что кухню, так же, как и всю квартиру, ребенок тщательно исследовал, облазил, посмотрел, где что лежит, только, что называется, не попробовал «на зуб» (хотя многое и правда перепробовал, чтобы убедиться, что соль соленая, сахар сладкий, а мука безвкусная). Тут тоже надо было быть постоянно начеку, чтобы не лизнул того, чего не надо. Словом, мальчик определил «диспозицию» по-хозяйски. В кухне он и до сих пор любит бывать, и особенно помогать мне посильно. Любимое занятие – лепить сырники, которые затем поедаются с огромным удовольствием. А поначалу пришлось подробно объяснять, что есть что, и как что готовится. Странно и то, что мальчик, казалось бы, не избалованный в своей прежней жизни разнообразием рациона, оказался весьма переборчивым в выборе любимых блюд. Ест он далеко не все, и в целом не очень хорошо. Котлет, например, на дух не переносит – может быть, он ими уже наелся? Хотя, как уверяют меня воспитатели, в саду ест все (как говорит мне мама, я в детстве утверждала: «Сказано тебе, там всё едят!»). Другие усыновленные дети, я знаю, едят хорошо. А мы пока, к сожалению, не особенно едоки и даже недобираем в весе килограмм против положенной нам нормы. Думаю, что такая разборчивость в еде также является следствием базового недоверия к жизни – качества, которое, к сожалению, является доминирующим в депривированных детях. Знакомая еда надоела, и она связана не с самыми лучшими воспоминаниями, например, такими, когда есть не хотелось, а заставляли. А новая еда незнакома, и поэтому страшит. Очень постепенно, с большими уговорами не есть, а только попробовать, мы включаем в рацион новые блюда, и некоторые из них оказываются нам весьма по вкусу! Вот уже здесь, видимо, входят в силу те трудно объяснимые пристрастия к одним продуктам и антипатия к другим, которые аргументируют то ли данными гороскопа, то ли чем-то еще. Мы, например, в целом не очень активно реагируем на мясо и овощи, но обожаем фрукты и мучные блюда. Пицца – это наше всё. «Мама, ну ты же знаешь, как я люблю пиццу!» – вот наш гастрономический девиз. И еще мы очень любим хлеб, это спасает, когда ребенок хочет чего-то перекусить. Хлеб для нас – лучшее лакомство. По счастью, наша конституция, как очевидно, не позволит нам вырасти, будучи обремененными лишними килограммами, но

вообще-то, за этим неплохо было бы и последить. На счастье, мы оказались абсолютно равнодушными к «Макдональдсу» (все те же котлеты!), и булочек тоже не едим. Зато есть у нас одна, но подлинная страсть – сладкое. Меня совершенно не успокаивает, что этим отличаются многие дети. Ведь есть же дети, которые более не менее равнодушны к сладкому, но мы явно не из этой категории. Без конфет не обходится ни один прием пищи – ребенок непременно требует десерта, и почти никогда его не пропускает. Конечно, вне еды я стараюсь железно ограничивать его в сладком, потому что это убивает наш и без того изменчивый аппетит. И вообще, зубы, и всякое такое прочее. Но удается это с огромным трудом. Мы прекрасно разбираемся в ассортименте сладкого, и шоколад – среди наших гастрономических предпочтений. Как говорится, любимая еда – конфеты. Боюсь, с этим трудно что-то сделать. Порой требования сладкого доходят до настоящих истерик, и я вновь понимаю, что здесь дело не только в том, что мальчик – явный сластена. Видимо, действительно есть нечто такое в сладком (и особенно в шоколаде), что является для него необходимой органической потребностью. Возможно, в будущем он это перерастет, но пока на холодильнике у нас стоит ведерко из-под майонеза, полное конфет, и ребенок зорко смотрит и бдит, не забывает мне напоминать его время от времени пополнять.

...Первое посещение магазина игрушек обернулось для нас истерикой. Еще раньше, когда я ездила навещать моего ребенка в детском доме и мы выходили гулять на улицу, мы проходили мимо киоска на остановке, в котором, как обычно, продавали всякую всячину, в том числе и игрушки. Дети, стоящие на остановке со своими родителями, как это бывает, прилипали к киоску и кланчили: «Купи мне, купи...». Точно так же поступаем и мы сейчас, когда ассортимент изучен основательно и желание купить что-то является таким же немедленным, как у всех детей в этом возрасте. Но тогда все было совсем не так. Я поражалась тому, с каким равнодушием мой ребенок скользил взглядом по полкам киоска, без малейших поползновений что-то не то что купить, но просто захотеть. Ему невдомек было, что можно вообще чего-то хотеть. А уж слово «купить» вообще отсутствовало в лексиконе довольно долгое время просто потому, что ребенок не догадывался о том, что можно что-то купить. Так вот, когда мы пришли впервые в магазин игрушек, у ребенка случилась истерика. Он просто не понимал, что это такое – зачем так много игрушек и что с ними делать. И от обилия впечатлений просто не выдержала психика. Представьте себе, что Вас в одночасье забросило на Марс – и реакция будет примерно та же.

Как я уже говорила раньше, совершенно особой проблемой, но, впрочем, тесно связанной со всем остальным, о чем уже сказано, стала, начиная с первого же дня, проблема засыпания и того, что ему сопутствует. По-видимому, в жизни ребенка вообще, а особенно депривированного, это один из самых страшных и мучительных моментов. Перефразируя известное изречение, заснуть – это всегда немножко умереть. Нам, взрослым, никогда не постичь тайны засыпания, этого проваливания в глубины подсознательного, в ночные кошмары, в цветные и вещие сны – в эту оборотную сторону нашего «я». Существует множество методик вхождения в сон и выхода из него, способствующих минимизации потерь здоровья и психических сил при переходе из такой стадии человеческой жизни, как бодрствование, в другую, ее инобытие. И даже при этом мы, взрослые, не всегда можем справиться с неудачным просыпанием, с нелегким засыпанием, с некачественным сном, словом, со всеми тонкостями этого непростого процесса, являющегося одним из базовых в сохранении биологической безопасности человека.

Для ребенка, психика и подсознание которого не защищены и находятся в стадии становления, процесс засыпания и просыпания, очевидно, представляет собой еще большую сложность. Кстати, сам по себе ночной сон моего ребенка (тьфу-тьфу-тьфу!) крепок, мы обходимся без кошмаров и, напротив, во сне он часто счастливо смеется, чем приводит меня в полный восторг. С просыпаниями мы тоже более не менее решаем проблему и просыпаемся, как правило, без особых скандалов, хотя бывает, конечно, всякое. Видимо, и снится тоже всякое. Недавно он даже стал рассказывать мне кое-какие свои сны, и, к сожалению, они не всегда хорошие. Но вот засыпание...! С первого же вечера я поняла, что если я это переживу, то смогу потом пережить и многое другое. О проблеме засыпания говорили мне и мои друзья, удочерившие девочку, хотя у них ребенок изначально был совсем другой, гораздо более спокойный и адекватный. Видимо, для детей, живущих в детском доме, в этом процессе сплетаются какие-то особенные эмоции, мысли и ощущения. Какие – можно только догадываться. Причем, одинаково трудно нам засыпалось и днем, и ночью, так что это, видимо, не только от боязни темноты, есть здесь и другие факторы. Словом, ребенок мой категорически, с истериками, с криком, не хотел укладываться в постель. Его буквально отрывала от постели какая-то пружина, ребенка просто корчило, он судорожно, истерически хохотал, изгибаясь дугой и бросаясь на одеяло и подушку. В первые месяцы я должна была по два часа вечером и добрый час днем запихивать его в кровать, из которой он выпрыгивал как настоящий Ванька-встанька, успокаивать, пытаться погладить, хотя мою

руку он категорически сбрасывал. Какой уж тут сон! Я пыталась его гладить – ни в какую не давал себя даже трогать. Такие дети вообще не приучены к тому, чтобы к ним прикасались. Странно, скажете вы? Ничего странного, ведь теплые и нежные материнские объятия отсутствовали в жизни ребенка с самых первых ее дней и месяцев. Так же, как отсутствовали и знаменитые материнские укачивания и колыбельные песни. Ну что уж тут такого, скажет иной современный родитель, который, вероятно, следуя каким-то там прогрессивным методикам, старается лишней раз не прикоснуться к ребенку, чтобы «не разбаловать» его своим вниманием. А ведь это ужасная катастрофа для дитяти, которого сама природа запрограммировала на восприятие материнской ласки, просто физического ощущения близости матери не только в утробе, но и за ее пределами. Знаменитое укачивание, оказывается, является неотъемлемым элементом процесса засыпания. В его отсутствие дети сами изобретают для себя заменяющие его навязчивые привычки. С некоторыми из них нам пришлось побороться, да еще, к сожалению, не все они побеждены.

Я взяла ребенка с большим пальцем левой руки (как оказалось, он левша), который был «проеден» почти до кости. В том, что мое дитя при засыпании не просто сосет, но по-настоящему гложет свой палец, я убедилась еще тогда, когда навещала его в детском доме. С этой привычкой мы справились кардинальным способом – я сшила моему трехлетнему ребенку пижамки с закрытыми рукавами, как младенцу, и от этой навязчивости мы отучились довольно скоро. Но... На смену одним привычкам пришли другие. Мы долгое время сосали при засыпании и просыпании уголок одеяла. Запрещать – бесполезно, все равно ребенок будет это делать, но уже воровски, украдкой, как всегда это делал раньше. И венец всех этих привычных манипуляций, заменяющих детдомовским детям настоящую любящую маму – знаменитые качания. От этого пристрастия, думаю, мы освободимся еще ох как не скоро! Это не просто привычка. Даже ночью, будучи в бессознательном состоянии, он продолжает себя укачивать, а при засыпании делает это до сих пор порою так, что диван скрипит. О том, что это дурная привычка, ребенок даже не догадывается. Мне до сих пор трудно объяснить моему сыну, почему укачивать себя нехорошо. Я ему говорю, что нехорошо, а он мне в ответ – а мне так нравится. Он так привык, и это часть его безопасного мира, та преграда, которую он когда-то воздвиг, сопротивляясь страхам и дискомфорту. Так что, корни этого явления – в укорененном на всех уровнях сознания и подсознания ощущении комфорта от выполнения навязчивых действий. О последствиях не хочу даже и думать, будем бороться до конца и искать удовольствия в самой жизни, а не в ее суррогатных замещениях типа укачивания, сосания пальца, а

потом уж и сигареты, бутылочки пивка, стопочки-другой чего-нибудь покрепче, еще чего-нибудь. Придется быть бдительной всю оставшуюся жизнь.

...Истерики в целом – наше обычное состояние первых месяцев пребывания дома. Сначала я отказывалась понять, почему каждое мое движение или действие вызывало у мальчика крик и плач – ведь я же не делала ничего плохого! Но, тем не менее, на все у него была одна реакция. Кушать – с криком, одеваться – то же самое, раздеться – опять проблема. При том, что он сам не выражал практически никаких желаний, на все было только с гневом высказанное отрицание («хочешь кушать?» – «нет», «хочешь спать?» – «нет» с криком, и т.д.). Он и сейчас у нас не из слишком покладистых, строптивец еще тот, и по-прежнему я частенько слышу категорическое «нет», и все тут. Ладно, думаю, пусть будет лучше решительное «нет», чем пассивное «да». Но в ту пору, три года тому назад, настроения протеста преобладали абсолютно. Не скрою, это было для нас с мамой огромным испытанием сил, выдержки, любви, наконец. Сейчас много показывают и рассказывают сюжетов, в которых родители (и в частности, приемные) не выдерживают такого вот поведения ребенка, и это приводит к инцидентам грубости и насилия по отношению к нему. Понимаю отчаяние не подготовленной как следует к ситуации новоиспеченной матери, которая не знает, что делать с этим вот беспрестанно орущим созданием, и, к сожалению, пасует, применяя насилие. Не понимаю только реакции взрослого и разумного человека, который, видимо, брал ребенка не просто так, а «по любви». А ведь ребенок меньше всего виноват в том, что происходит! Думаю, надо иметь точное понимание ситуации, море терпения, и еще – безграничный океан любви, чтобы выстоять в этой жестокой совместной, вашей с ребенком, битве. Борьбе за дитя, психика и организм которого, как это очевидно, были подвержены тяжким испытаниям еще в утробе. Который еще до того, как он стал понимать, что с ним происходит, попал в тяжелейшую для себя ситуацию, которую едва выдерживает и иной взрослый, и из которой ребенок нашел те выходы, какие смог выработать своим детским, не закаленным еще жизнью сознанием. Дикий ор – единственная доступная ему форма защиты от окружающего враждебного мира. Так за что же его еще и наказывать? Мне до сих пор, помимо прочих чувств, которые я испытываю, просто до слез жаль мое дитя, которое до того, как я успела его «выхватить» из окружавшего его жизнь беспросветного мрака, натерпелось в полной мере, узнало страдания, которых хватит иному на всю жизнь. Какие там желания!

Какое там раннее становление личности! Ему бы выжить. А мне осталось только закусить губы, взять себя в руки и терпеть, терпеть...

Хочу отметить, возвращаясь к уже сказанному, что в целом отсутствие желаний и стремления их выразить было для нас большой проблемой на протяжении очень долгого времени. Слово «хочу» не произносилось, наверное, больше года. Его заменяло слово «надо»: «надо какать», «надо кушать», «не надо спать» (так, как слышал в детском доме, где никто никого не спрашивает, а все садятся на горшок, кушают и все остальное по команде «надо»). Мальчик произносил эти фразы казенным голосом, в интонации которого не было ни малейшего намека на выражение каких-либо желаний. Желания-то, может быть, и были, но вот с осознанием и выражением их на первых порах были огромные проблемы. Правда, потом нас просто прорвало, и теперь я уже испытываю обратное: хочется всего и сразу, хочется немедленно все купить, попробовать, хочется всего того, что есть у Вани и Ромы, а уж в магазин игрушек мы заходим сейчас как подлинники знатоки – все надо пересмотреть, обсудить, тщательно выбрать, хотя, как я понимаю, хочется купить сразу все, и побольше. Приходится прикладывать много сил и терпения, чтобы объяснить, почему мы не можем купить сразу все, что хочется. Еще нам хочется в деревню, увидеть курочек и корову (ох уж эти городские дети, которые видят коров исключительно из окна автобуса), а потом – хочется в Индию к слонам и в Австралию к кенгуру, и еще в Африку, повидать жирафов и зебр. Правда, в Африку мы немного боимся, потому что там, как известно, Бармалей, но непременно с мамой, и тогда не страшно. Вот такие у нас нынче в жизни желания и хотения.

К этому же разговору – знаменитые, описанные во всех учебниках детские возрастные кризисы. Поскольку в нашем случае все возрастные границы и симптомы были нарушены по сравнению с тем, что описывается в учебниках, время становления личности было во многом упущено, и как результат этого – возрастные кризисы, как мне кажется, присутствуют в нашей жизни перманентно. Собственно, вся наша трехлетняя совместная история – сплошной кризис личности, или иначе – ее становление в кризисных условиях. От наших ранних покорных «надо» мы с течением времени перешли к самоутверждающим, категорическим «не надо». С этим и до сих пор непросто справиться, да и не очень хочется, что называется «давить на личность», пусть хоть как-то учится выражать свое мнение, хотя, честно говоря, порой это непрекращающееся самоутверждение просто выводит из себя. Терпение, говорю я себе, и, скрипя зубами, продолжаю невозмутимым тоном объяснять и разъяснять, что к чему и почему. Справедливости ради надо сказать,

строптивности со временем убавляется. У нас даже есть свои светлые прорывы. В одно прекрасное утро, например, мой ребенок просыпается и – о чудо! – наступает то, что я называю «приступом послушания». Мальчик начинает во всем меня слушаться, причем очень забавно озвучивает своим детским тонким голоском мои многодневные нотации о пользе послушания. Мы оба испытываем при этом море удовольствия. Оказывается, детям нравится быть послушными! А я думаю: «Ну вот, мои труды все же не проходят даром». Бывают, правда, и совсем другие дни, но в целом, практика показывает, что в общении с ребенком ни одно даже самое маленькое усилие не пропадает даром. Наступает момент истины, и количество сказанного тобой ребенку обязательно перерастает в новое качество его поведения, и это вдохновляет. Надо только набраться терпения и делать свое дело с неослабевающим энтузиазмом. Обратная сторона этого процесса – постоянное присутствие родителя в жизни ребенка. Я каждую минуту начеку, а вы? Наши дети копируют нас, и это накладывает на каждого родителя сложные обязательства – общаясь с детьми быть постоянно «в тонусе», не позволять себе ничего такого, что потом не вернулось бы к нам неожиданным, как кажется на первый взгляд, злом. Все ли и всегда ли мы к этому готовы?

Кроме того, обратной стороной искаженного процесса формирования личности, который я всеми силами пытаюсь поставить на «нужные рельсы», стало полное отсутствие у моего ребенка каких бы то ни было волевых побуждений. Кто его знает, возможно, это издержки наследственного характера, о котором я ничего не знаю (хотя, чего уж там, были бы биологические родители моего сына волевыми, не стали бы тем, чем стали), или следствие ситуации уже после рождения, но ребенок мой, к сожалению, пасует не только перед людьми, но и перед трудными для него ситуациями. Говорят, это качество часто не приходит само собой, его надо тоже тщательно и терпеливо воспитывать. И вот мы сидим над не дающимся нам узором письма, или рисунком, и уже с первых же секунд мой ребенок гаснет, складывает крылышки и заявляет, что делать этого не будет, потому что не может. И эту проблему, в числе многих, нам еще придется долгое время решать, прилагая всяческие усилия, в том числе и волевые.

Я не верила, когда психолог говорила нам, что дети, воспитывающиеся в детских домах, совершенно не умеют играть. Казалось, что все должно быть совсем наоборот – детей много и все во что-то друг с другом играют. Вроде бы, и игрушек в группе достаточно, и игровое время предусмотрено расписанием. И все же, это правда – приготовьтесь к тому, что еще долгое время после того, как вы возьмете своего ребенка из детского дома, он будет слоняться по квартире,

часами лежать на полу, ходить за вами хвостом, словом – делать все, кроме того, чтобы играть. Мы накупили моему малышу кучу игрушек, и еще больше принесли знакомые и друзья, и все равно он валялся кулем среди всего этого великолепия с равнодушным видом. Я пробовала с ним играть, садилась, и мы вместе раскладывали кубики, возили машинки, и, кажется, ребенок загорался, но потом так же быстро гас. А уж когда я уходила, опять продолжалось лежание на ковре. Отсутствие порывов и интереса к игровой деятельности, которая есть не что иное, как обратная сторона созидающего детского сознания, стремящегося в игре смоделировать мир – еще одно тяжелое наследие детдомовского детства. С одной стороны, для того, чтобы играть и, что называется, расположиться к игре, необходимо свое, личное игровое пространство и свои, обязательно свои личные игрушки, в каждую из которых ребенок вкладывает свой, только ему известный, особый смысл. С другой, для того, чтобы игра завязалась и продолжалась, нужна «группа товарищей», каждый из которых может предложить свой собственный креативный игровой сюжет. Кроме того, как известно, игра – это для ребенка модель жизни. Так что, какова жизнь, такова и игра... Не знаю, во что и как играют дети в детском доме, но у моего ребенка интерес к играм, превратившийся, как и многое другое, в подлинную страсть, пробудился только после двух лет пребывания дома. Только сейчас, когда нам уже пора в школу, у нас просто «прорвалась» игровая деятельность, которая проходит в весьма бурных формах. Теперь, как я уже писала выше, он в игре может даже, увлекшись, остаться один в комнате, так ему интересно. Теперь в ход пошли и конструкторы, и человечки, и машины с гаражами, и прочие атрибуты игр любого мальчишки. Мой ребенок наконец-то почувствовал вкус настоящего детства, с играми, проказами и розыгрышами. Его нынешняя игривость, даже на чей-то взгляд чрезмерная – компенсация того состояния ступора, в котором он пребывал очень долгое время. Теперь мы любим выстраивать игровые ситуации везде и всегда. Теперь конструктивно-созидательное начало наконец-то осторожно стало преобладать над разрушительным, столь ярко проявляющимся все прошедшее время. Наконец-то мы увидели «свет в конце тоннеля»...

Предчувствую, что кто-то, прочитав мои записки, скажет: «Ну вот, так я и знал (знала) – взять «чужого» ребенка это сплошные заботы, да еще совсем непонятно, чем это все закончится в будущем. И вообще, зачем это все затевать,

если от «такого» ребенка не получаешь никакого удовольствия, а общение с ним – сплошной кошмар и головная боль.

Возможно, я действительно написала много (на чей-то пристрастный взгляд даже слишком) о проблемах, с которыми в той или иной мере сталкивается усыновитель, взявший на себя заботу о ребенке, раненом жизнью. Написала честно для тех, кто готов взять на себя ту же обязанность, которую я взяла три года тому назад. Обязанность на всю жизнь, потому что, как говорил Экзюпери, мы в ответе за тех, кого приручили. Я все время думаю, что усыновленный ребенок – это нечто гораздо большее, чем обычное дитя. Это двойная, тройная, десятерная ответственность за того, кто доверчиво вложил в твою руку свою детскую ручку и связал с тобой все свои надежды. Это дело не для слабых духом, не для тех, для кого свой собственный комфорт и эгоизм превыше всего. Усыновители – особая категория людей, которым небезразлично чужое горе. К счастью, такие люди у нас пока еще есть.

Но не надо забывать, что усыновленный ребенок – это не только вдвойне и втройне проблемы, но также двойная и тройная радость. Радость от общения с ребенком, которого ты так долго ждал и которого, наконец, обрел. Радость оттого, что ты участвуешь в судьбе человека, давая ему жизненный шанс, которого без тебя он, возможно, никогда бы не обрел. Радость созидать личность и любоваться результатами своего созидательного труда. Кто бы мог подумать, что мое дитя, которое еще три года тому назад не могло толком связать двух слов, с упоением разыскивает на карте мира и показывает мне, где находится Австралия, и Африка, и Индия, и, конечно, город Минск. Сознание моего успеха, общение с ребенком – одно из самых естественных, и вместе с тем приносящих счастье человеческих благ. Ребенка не обманешь, но и он, в свою очередь, предельно искренен в выражении своих чувств и эмоций. Когда мы радуемся – радуемся все вместе, и так же вместе сердимся, печалимся, страдаем, удивляемся. Мы оба нашли то, чего так страстно жаждали – удовлетворения человека возможностью любить, быть любимым, чувствовать себя нужным, разделенным и защищенным. И это чувство взаимно!

Могу без преувеличения сказать, что усыновление ребенка – это лучшее, что я сделала в своей жизни, и, одновременно, воспитание ребенка – самое интересное, чем мне приходилось в жизни заниматься. Да, мне пришлось перестроиться и от многого отказаться. Конечно, как и всякая сознательная мать, я волнуюсь за его будущее и всячески желаю, чтобы его жизнь сложилась наилучшим образом, чтобы он нашел себя, и мрачные тени прошлого никогда бы больше его не тревожили. Нам предстоит еще долгий совместный путь, на котором, вероятно, будут не только цветы, но и тернии, и я к этому готова.

И все же, присутствие в моей жизни ребенка придало ей совершенно новый смысл и перспективы. Теперь мне некогда болеть и обязательно надо прожить еще долго-долго для того, чтобы вырастить моего мальчика и помочь ему вырастить его детей, моих внуков. Такой у нас жизненный план, который мы частенько сейчас обсуждаем. И когда я перед сном захожу в его комнату поправить одеяло и посмотреть, как он там, я вижу носик с конопушками, розовое ушко, лежащее на подушке, слышу его тихое и мирное посапывание, и понимаю – я живу не напрасно.